

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 3 мѣсяца 5 франк.
 » 2 мѣсяца 3 »
 » 1 мѣсяць 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ

1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные номера продаются
 по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
 Н. GEORG, Genève, rue de la
 Corratierie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

15-ое МАРТА 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Толщита и отверзется. II.—2) Гр. Пегръ Шуваловъ и петербургская инквизиція. — 3) Справка изъ недавно прошедшаго: адресъ владимірскихъ дворянъ 1860 г. — 4) Письмо студента-ветеринара по поводу харьковскихъ студенческихъ волнений.—Post Scriptum редакціи.— 5) Восемнадцать лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ, VI, 3. С. 6) Изъ бумагъ редакціи «Колокола». II. Письма С. С. Громекъ къ А. И. Герцену. 1858—1861. — 7) Начало новаго соціально-политическаго движенія въ Венгріи, Slavus.—8) Письма о политико-соціальныхъ партіяхъ во Франціи. VIII. Союзы рабочихъ и соціалистическія фракціи, Н. Жебунска. — 9) Земская хроника. I. Работа и препятствія по народному образованію, О. В. — 10) Извѣстія и замѣтки: Самоубійство Макова.

ЖЕНЕВА, 15 марта 1883.

Прошлый разъ мы старались доказать фактами, что реформы начала царствованія Александра II были даны вовсе не по одной только доброй волѣ императора, а особенно его правительства, но были въ значительной степени результатомъ общественной агитаціи и положительныхъ требованій, обращенныхъ къ правительству. Приводимый ниже, какъ справка, адресъ дворянъ Владимірской губерніи, поданный въ 1860 г., служитъ, надѣмся, документальнымъ доказательствомъ къ сказанному нами.

Но, пробѣжавъ этотъ адресъ, а равно и другія подобныя ему заявленія того времени, читатель вынесетъ еще и другое заключеніе,—а именно, что правительство царя-реформатора не дало и половины того, что еще въ 1858—60 гг. считалось тогдашними далеко не крайними людьми за minimumъ политическихъ потребностей. Въ самомъ дѣлѣ: гдѣ административная реформа, основы которой начертаны въ Влад. адресѣ? гдѣ отвѣтственность чиновниковъ передъ судомъ? Гдѣ подсудность обывателя Россіи только гласному суду, а не разнымъ варіанціямъ III отдѣленія? гдѣ свободная печать? и т. д. и т. д. Сравнивая реформы, данныя правительствомъ Александра II, съ тѣмъ, что отъ него требовали даже дворянскія собранія въ 1858—1860 гг., мы видимъ, что правительство, т. е. царь и бюрократія, не только не дали всего нужнаго и желаннаго, но даже довольно ловко обошли общество, сдѣлавъ уступки по второстепеннымъ предметамъ, и въ то же время выигравъ въ главномъ, — въ сохраненіи и

даже развитіи своего самодержавія (повторяемъ, самодержавія столько же царскаго, сколько и чиновническаго), при чемъ названнымъ самодержцамъ удалось даже создать новыя преграды для развитія либеральной оппозиціи и на будущее время.

Это особенно слѣдуетъ сказать объ административной и земской реформахъ, какъ имѣющихъ наиболѣе политическаго характера. Преобразование уѣздной земской полиціи по наружности отняло у нея словесный дворянскій характеръ, но въ то же время вовсе устранило изъ нея выборное начало и земскій характеръ. Земскія учрежденія стали всесословными и получили постоянный исполнительный органъ,—управы,—но земскія собранія не только не получили должной независимости даже въ узкой сферѣ хозяйственной,—но по отношенію, напр., къ разсмотрѣнію смѣтъ земскихъ платежей и расходовъ, названныхъ государственными или обязательными, получили меньше правъ, чѣмъ имѣли ихъ прежнія собранія депутатовъ дворянскихъ и городскихъ, которымъ губернская власть должна была представлять на разсмотрѣніе всю роспись земскихъ сборовъ и расходовъ.—Правда, эта отчетность, равно какъ и соответственная отчетность по особымъ, чисто дворянскимъ сборамъ при Николаѣ I была только формальною и не могла не быть иномъ, при всѣхъ условіяхъ жизни того времени,—но когда общество пробудилось, то во многихъ губерніяхъ дворянскіе депутаты и собранія стали относиться къ своему праву на контроль употребленія земскихъ сборовъ серьезно*), и изъ этого отношенія могло выйти что либо болѣе широкое по компетенціи, чѣмъ земскія учрежденія по Положенію 1864 г. (Не трудно было бы доказать, что и старое городское Положеніе, при своей сословности, заключало въ себѣ зародыши лучшаго, чѣмъ узко-капиталистическое и шлолѣ бюрократическое новое городское устройство 1870 г., еще болѣе далекое отъ дѣйствительнаго самоуправленія,

*) Примѣры указаны, между прочимъ, и по II т. «Матеріаловъ для истор. упр. уездн. крѣпостн. состоянія» и пр., кромѣ того нишуйцій это самъ былъ свидѣлемъ опыта весьма серьезнаго пользованія депутатскимъ правомъ въ одномъ депутатскомъ собраніи на югѣ Россіи еще въ 1856 г.

чѣмъ земское устройство 1864 г.) Наконецъ, какъ это было уже указано недавно въ нашей газетѣ, новыя земскія, всесословныя, собранія не получили, по закону, даже такого права ходатайства передъ верховной властью, какое имѣютъ дворянскія собранія. А между тѣмъ учрежденіе всесословныхъ земскихъ собраній непременно отнимало авторитетъ у сословныхъ дворянскихъ собраній. Сознательно или бессознательно, но во всякомъ случаѣ петербургскіе самодержцы усадили оба сорта собраній въ заколдованный кругъ: когда дворяне,—лучшіе изъ которыхъ въ адресахъ и рѣчахъ 1858—1860 г. высказывались за слитіе дворянства съ остальными сословіями,—поднимали какой либо общій вопросъ, то правительство могло отвѣтить имъ (какъ оно и отвѣтило на петицію конституціоннаго характера, поданную московскимъ дворянскимъ собраніемъ), что молъ вы говорите за всѣ сословія, на что не имѣете права; — земскимъ же собраніямъ правительство отвѣчало, даже на болѣе скромныя петиціи, что молъ вы выходите изъ круга мѣстныхъ хозяйственныхъ интересовъ, единственно вамъ предоставленнаго.

Всѣ эти и другіе заколдованные круги, которыми бюрократія обставила созданное въ 1864 году земское представительство, — между прочимъ и тѣ, которые разбираются въ печатаемыхъ у насъ статьяхъ г. З. С., — развитые люди въ дворянствѣ и земствѣ понимали еще въ 60-ые годы. Но они сдѣлали капитальную ошибку тѣмъ, что громко не указали на нихъ въ собраніяхъ, и дворянскихъ, и земскихъ, и не продолжали агитаціи, начатой въ дворянскихъ собраніяхъ 1858—60 гг. И это случилось, какъ мы думаемъ, не только по всероссійской пассивности, не только потому, что введеніе земской реформы совпало съ оскудѣніемъ дворянства и съ отливомъ значительной части его изъ деревень и провинцій вообще, но и отъ неправильныхъ расчетовъ. Послѣ введенія земскихъ учреждений, лучшіе люди изъ дворянъ махнули рукою на дворянскія собранія, какъ отжившія учрежденія, — первые же земцы, въ среду которыхъ стали эти лучшіе люди, находили непрактичнымъ поднимать, такъ сказать, „ревизионистскую“ агитацію, — вопросъ о правахъ земскихъ

учреждений, не попробовавши их на опыте. Опыт же завертелъ земцевъ въ бѣлицемъ колесѣ, которое представляется въ статьяхъ г. З. С. Между тѣмъ благоприятный моментъ былъ упущенъ, — а когда агитация въ пользу самоуправленія затихла, бюрократія оправилась и, окончательно завладѣвъ царемъ послѣ 4 апрѣля 1866 г., принялась урѣзывать и искажать даже данныя уступки. Отсутствие дружной оппозиціи со стороны земствъ послѣ разгрома петербургскаго земства окрылило бюрократію, — и Россія вступила въ то глухое состояніе послѣднихъ 60-хъ годовъ, которое объясняетъ все послѣдующее, между прочимъ, и социальную-революционную агитацию 70-хъ годовъ, завершившуюся такъ называемымъ „терроризмомъ“.

Здѣсь не мѣсто подробно разбирать эту послѣднюю агитацию. Для цѣли настоящей статьи довольно будетъ указать только на то, что эта агитация, не смотря на анархическую фразеологию, которая прилѣпилась къ ней изъ заграничныхъ прокламацій Бакунина (который, напомнимъ, не задолго передъ своимъ анархизмомъ самъ допускалъ возможность социальнаго-демократическаго Романова), — оказалась въ началѣ своемъ гораздо болѣе близкою къ учению о демократической бюрократіи (о каковомъ учении въ эпоху эманципации крестьянъ мы говорили въ прошломъ №-рѣ), чѣмъ къ либеральному направленію въ движеніи 60-хъ годовъ. Русскіе социалисты начала 70-хъ годовъ не только пренебрегали постановкой политическаго вопроса, но даже исповѣдывали догматъ монархическихъ аболюционистовъ 60-хъ годовъ о вредѣ установленія въ Россіи политической свободы, — или, какъ говорилось тогда, конституціи, — такъ какъ она-де замедлитъ наступленіе народной социальной революціи и организуетъ буржуазію. Даже тѣ изъ русскихъ социалистовъ, которые не раздѣляли невниманія своихъ товарищей къ борьбѣ съ правительствомъ, далеки были отъ идей объ общественномъ самоуправленіи, а мечтали о захватѣ власти, посредствомъ которой-де будетъ произведена социальная реформа. Только горькій опытъ убѣдилъ русскихъ социалистовъ въ невозможности для Россіи обойти ступеньку учреждений, которыми они пренебрегали, какъ буржуазною выдумкою, и заставилъ ихъ вписать въ свои программы требованіе политической свободы, хотя, впрочемъ, ни одна изъ этихъ программъ не формулировала ясно требованій самоуправленія, а многія изъ нихъ сбивались на старую фразеологию о социалистической диктатурѣ, если не заговорщиковъ, то учредительнаго собранія. Наконецъ, и это обращеніе русскихъ социальныхъ революционеровъ къ либеральнымъ идеямъ совершилось и не вполне самостоятельно, такъ какъ оно началось тогда, когда, подъ влияніемъ, между прочимъ, сербо-болгарскаго движенія и войны, въ социально-революционныхъ кружкахъ пробудилось стремленіе вновь поднять либеральную агитацию, ос-

тавленную въ половинѣ 60-хъ годовъ.

Во всякомъ случаѣ за русскими социальными-революционными кружками, слѣдуетъ признать заслугу даже относительно политическаго вопроса, состоящую въ томъ, что они все таки будили общество и энергической борьбой фактически обнаружили слабость самодержавнаго правительства. Въ 1878 г. правительство призналось въ своемъ безсиліи справиться съ „горстью крамольниковъ“ и обратилось за содѣйствіемъ къ „обществу“.

Наличные представители послѣдняго въ дворянскихъ и земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ опять сдѣлали капитальную ошибку, не высказавшись дружно противъ бюрократіи хоть бы такъ, не совершенно удачно, какъ попытались высказаться нѣкоторые украинскія земства, которые справедливо укоряетъ авторъ напечатанной у насъ въ прошломъ №-рѣ статьи „Ближайшія задачи земства“. Какъ бы то ни было, — но хоть нѣсколько земствъ все же заявили о необходимости реформъ въ духѣ политической свободы, — и этотъ слабый толчокъ въ крѣпость самодержавія не прошелъ безслѣдно.

Мы считаемъ вовсе не случайнымъ обстоятельствомъ, что основатель системы „вѣяній“, гр. Лорисъ-Меликовъ, принесъ въ Петербургъ свои зефироносные мѣхи изъ Харькова. Земства его сатрапіи (Харьковское, Полтавское и Черниговское) именно и были тѣми, которые заявили правительству о необходимости политической свободы, — а въ обществѣ этихъ губерній харьковскій сатрапъ могъ увидѣть еще болѣе опредѣленные требованія, которыми совершенно пренебречь онъ считалъ неблагоприятнымъ для правительства. Мы далеко бы ушли, еслибы стали говорить здѣсь о томъ, почему изъ Л. Меликовскихъ вѣяній не вышло ничего прочнаго, — а ограничимся указанием на связь этихъ вѣяній съ тою земскою агитацией, которая имъ предшествовала. Правительство Л. Меликова увидѣло необходимость обезоружить эту агитацию не только вѣяніями, но и заявленіемъ намѣренія продолжать реформы и при томъ съ участіемъ представителей самого населенія. Такое значеніе имѣетъ особенно приглашеніе земскихъ собраній высказаться по вопросу о преобразованіи крестьянскихъ учреждений.

Приглашеніе это мы считаемъ самымъ серьезнымъ дѣломъ Лорисовской эпохи, потому что оно, неожиданно для самого диктатора, привело къ поднятію гораздо болѣе широкаго вопроса, — а именно вопроса о провинціальномъ управленіи вообще, и дало поводъ земствамъ выставить проекты этого управленія, составленные на основаніи долготѣящаго опыта земской жизни. Тутъ мы видимъ уже не однѣ общія идеи, какъ въ заявленіяхъ 1858—1860 гг., а подробно разработанные планы. Если свести вмѣстѣ эти планы, равно какъ и петиціи разныхъ земствъ по отдѣльнымъ вопросамъ, имѣющимъ соприкосновеніе съ вопросомъ администраціи, — то получится почти буквально та программа самоуправле-

нія, которая развивается въ нашей газетѣ. Разница оказывается только въ томъ, что официальные земскіе представители говорятъ вполне опредѣленно о самоуправленіи въ волостяхъ, уѣздахъ и губерніяхъ (нынѣшнихъ рамкахъ провинціальной жизни), менѣе опредѣленно о самоуправленіи областномъ и еще менѣе ясно о самоуправленіи государственномъ. Въ этомъ есть своего рода резонное основаніе, но тутъ же заключается и слабость теперешнихъ земскихъ заявленій.

Дѣйствительно, мѣстное самоуправленіе, вмѣстѣ съ личными правами (въ числѣ которыхъ входятъ и права національныя), гораздо существеннѣе для населенія, чѣмъ центральный парламентаризмъ; только оно составляетъ основу для серьезнаго государственнаго самоуправленія, — и если бы въ Россіи мы имѣли дѣло съ правительствомъ просвѣщеннымъ и искреннимъ, или даже съ династіей, сколько нибудь образованной и дальновидной, то можно бы было на извѣстное время удовлетвориться программой, которая прорывалась у моск. славянофиловъ въ ихъ минуты просвѣтлѣнія, а именно: мѣстнымъ самоуправленіемъ при сохраненіи самодержавія верхову государства. Но мы видѣли, что и такая программа, въ сущности предложенная петербургскому правительству заявленіями въ 1858—1860 г., не была имъ принята даже въ пайболѣе либеральную его эпоху, — а еще болѣе рѣшительно отвергнута имъ въ послѣдующее время. Да иначе и быть не могло, — такъ какъ личныя права и самоуправленіе, хотя бы только мѣстное, гораздо болѣе невыгодны для бюрократіи, чѣмъ даже централистическій парламентаризмъ. Мечтать же, что царь можетъ самъ по себѣ прорвать сѣти бюрократіи, могутъ только несправимые фантазеры, которые, впрочемъ, сами больше говорятъ публично о царѣ и народѣ безъ средостѣнія, чѣмъ на самомъ дѣлѣ вѣрятъ въ реализацію своихъ словъ. Въ дѣйствительности царь всегда былъ, есть и будетъ первый чиновникъ и придворный. Это доказалъ и Александръ II-овободитель и Александръ III, противникъ „средостѣнія“. Послѣдній, можетъ быть, и примирился бы съ самоуправленіемъ (примирился же съ конституціей Францъ-Иосифъ Австро-Венгерскій), но только тогда, когда бы оно было осуществлено, т. е. взято у него.

Вотъ почему необходимъ теперь усиленный напоръ всѣхъ общественныхъ элементовъ на этотъ пунктъ. Со стороны земскихъ людей необходимы ясныя заявленія, которые бы напомнили правительству о томъ, что ему еще недавно предъявлены были вполне опредѣленные требованія мѣстнаго самоуправления, и которые бы въ то же время завершили требованія объ этомъ самоуправленіи требованіемъ неприкосновенныхъ личныхъ правъ и самоуправленія общегосударственнаго. Несомнѣнно, что правительство не поблагодаритъ за эти заявленія и сначала прибѣгнетъ къ репрессіямъ. Но во первыхъ — волка бояться, въ дѣлѣ не ходить, а во вторыхъ, даже российская исто-

рия послѣднихъ десятилѣтій доказываетъ, что въ виду сколько нибудь систематическаго напора на правительство со стороны общественныхъ корпорацій, правительство не смѣетъ ни прибѣгать къ сильнымъ репрессіямъ, ни безусловно отвергать обращенія къ нему требованія. Такъ, напр., на помѣщаемый ниже Владимірскій адресъ, который шелъ во главѣ цѣлаго ряда подобныхъ заявленій, правительство Александра II отвѣчало выраженіемъ „неудовольствія“, „выговоромъ“ губ. предводителю и „замѣчаніемъ“ предв. уѣзднымъ, — но не только ограничилось этими карами, но, скрѣпя свое неудовольствіе, все же сдѣлало часть реформъ, которыхъ у него требовали. На такую же дорогу стало подаваться правительство и въ послѣдній годъ царствованія Александра II, подъ напоромъ вновь проснувшейся агитации.

При Александрѣ III такая агитация еще не была испробована, — но что и его правительство далеко не нечувствительно къ ней, это показываетъ, напр., и то обстоятельство, что и Александръ III далеко не сразу рѣшился пойти противъ того течения, какое обнаружилось въ послѣдніе годы правленія его отца, — и сначала сохранялъ Л. Меликовскія вѣянія, потомъ, даже послѣ изданія реакціоннаго манифеста, прибѣгалъ къ Игнатьевской комедіи съ свѣдущими людьми, и только тогда, когда эта комедія нѣсколько замутила общественное сознаніе и когда обнаружилось, что она не встрѣчаетъ себя дружнаго противудѣйствія въ представителяхъ общественныхъ корпорацій, рѣшился на открытую Толстовскую нѣтовщину. Неужели же земскіе люди, которые разрабатывали вопросы административной реформы, которые опытно убѣдились въ полной невозможности сколько нибудь правительнаго удовлетворенія нуждъ населенія, при господствѣ бюрократическаго произвола, — такъ и сложатъ руки передъ этой нѣтовщиной?!

Гр. Петръ Шуваловъ и петербургская инквизиція. Обращаемъ особое вниманіе читателей на одно изъ печатаемыхъ далѣе писемъ Громыки къ Герцену съ выдержкою изъ записки гр. Шувалова о томъ III отдѣленіи, въ которомъ онъ былъ потомъ шефомъ. Еще въ 1861 г. изъ среды самихъ служащихъ въ этой инквизиціи вышелъ голосъ, который заявилъ, что «тайный судъ тайной полиціи» есть позорное, несправедливое учрежденіе, несовмѣстимое съ правильными основами суда. И однакожь, такой судъ существуетъ въ Россіи до сихъ поръ въ разныхъ и въ нѣсколькихъ въ одно время видахъ, — и еще недавно распространился слухъ о томъ, что пылкій царь, по докладу одного изъ инквизиторовъ, генерала Федорова, — написалъ пужнымъ не судить арестованныхъ въ послѣдній годъ политическихъ заподозрѣнныхъ, — а сослать ихъ прямо — на о. Сахалинъ. Чѣмъ это лучше Торквемады, которымъ пугалъ Александра II гр. Шуваловъ??

Справка изъ недавно прошедшаго. Теперь, когда передъ Россією стали вновь на очередь политическіе вопросы, поднятые, но не разрѣшенные въ началѣ прошлаго царствованія,

вдвойнѣ уместно будетъ напомнить одно изъ тогдашнихъ заявленій, которыхъ мы касаемся въ передовыхъ статьяхъ прошлаго и настоящаго номеровъ, — адресъ владимірскихъ дворянъ, представленный царю въ январѣ 1860 г.

«Августѣйшій Монархъ!»

«Дворянство Владимірской губерніи, вполнѣ сочувствуя благотворнымъ видамъ Вашего Императорскаго Величества, и сознавая всю важность настоящаго времени, въ которое готовится столь великія преобразованія и Отечество наше возрождается къ новой жизни, не можетъ утаить своихъ душевныхъ убѣжденій, и осмѣливается изложить ихъ съ прямымъ чистосердечіемъ и полнымъ довѣріемъ къ Вашимъ благотѣльнымъ заботамъ о счастьи Вашего народа.

«Всемилюемый Государь! благоволите выслушать Вашнихъ вѣрноподданныхъ:

«Вступая на путь вѣковыхъ преобразованій въ законодательствѣ, при измѣненіи быта многочисленнѣйшаго въ Государствѣ сословія, Отечество наше не имѣетъ достаточнаго обезпеченія въ строгомъ исполненіи закона. Вся администрація наша основана на бюрократическомъ началѣ, всѣ общества управляются людьми, чуждыми интересамъ тѣхъ обществъ, которыя при томъ, будучи раздѣлены на уединенныя другъ отъ друга сословія, при совершенной безгласности дѣлопроизводства и безответственности должностныхъ лицъ, не только не могутъ содѣйствовать Правительству къ достиженію его цѣлей, но даже не имѣютъ возможности нести и о собственныхъ своихъ мѣстныхъ пользахъ. Къ тому же, правильность дѣйствій должностныхъ лицъ и исполненіе ими законовъ ничѣмъ не обезпечены, потому что суды наши обязаны производить дѣла въ глубочайшей тайнѣ и руководствоваться при рѣшеніи ихъ только письменными изсѣдованіями исполнительныхъ властей и установленною регламентаціею доказательствъ, а не внушеніями совѣсти и собственнымъ убѣжденіемъ, совершенно зависятъ отъ произвола слѣдователей и ихъ начальствъ, а по этому не представляютъ никакихъ гарантій, необходимыхъ для отправленія правосудія. Наконецъ, всѣ должностныя лица, въ случаѣ нарушенія своихъ законныхъ обязанностей, подлежатъ суду только тогда, когда это угодно ихъ административному начальству.

«Все вышеизложенное приводитъ къ заключенію, что исполненіе законовъ нашихъ зависитъ, болѣею частью, отъ личнаго произвола.

«До сихъ поръ подобный порядокъ могъ существовать, ибо страна, въ которой допускалось крѣпостное право на людей, не могла имѣть правильнаго понятія о законности, но съ уничтоженіемъ этого права, разумныя и единодушныя содѣйствія мѣстныхъ обществъ Правительственнымъ цѣлямъ и строгое исполненіе законовъ необходимы не только для успѣшнаго хода самой реформы, но и для осуществленія собственныхъ благотворныхъ цѣлей Вашего Императорскаго Величества, потому что освобожденные крестьяне, лишенные защиты помѣщика, при отсутствіи правосудія и ответственности должностныхъ лицъ, подвергнуты еще болѣе и невыносимой зависимости отъ произвола чиновниковъ, и черезъ то могутъ совсѣмъ потерять уваженіе къ дѣйствительной законности.

«Всемилюемый Государь! Дворянство считаетъ своею священнѣйшею обязанностию повергнуть на Всемилюемое возрѣніе Вашего Императорскаго Величества, что для мирнаго и благополучнаго схода предстоящей реформы и осуществленія Вашихъ благотѣльныхъ преднамѣреній, по нашему искреннему и глубокому убѣжденію, необходимо слѣдующее:

I) строгое раздѣленіе властей: административной, судебной и полицейской.

II) Управленіе общее для всѣхъ сословій.

III) Хозяйственно-распорядительное Управленіе для всѣхъ сословій и ответственное только передъ судомъ и обществомъ, при чемъ выборныя лица утверждаютъ не администра-

тивную властью, но единственно правильною избраніемъ.

IV) Полицейское Управленіе, правительственное и устроенное въ чисто-охранительномъ духѣ, дѣйствующее только на основаніи закона.

V) Руководимое только закономъ, Гражданское судопроизводство гласное, уголовный судъ гласный, по совѣсти и закону, т. е. судъ присяжныхъ.

VI) Непосредственная ответственность всѣхъ и каждого передъ судомъ.

VII) Ответственность личная всѣхъ должностныхъ лицъ за неисполненіе ими своихъ обязанностей, безъ права ссылаться на предписанія своихъ начальствъ.

VIII) Учрежденіе новыхъ прочныхъ и строгихъ мѣръ къ поддержанію частнаго и Государственнаго кредита. —

«На этихъ основаніяхъ Владимірское дворянство осмѣливается Всеподданнѣйше не просить предпологаемыя измѣненія, для всѣхъ сословій необходимыя при новой жизни Русскаго народа.

«Всемилюемый Государь! Вы первые пробудили въ народѣ Русскомъ эту жизнь! При величій души Вашей Вы поймете чувства вашихъ вѣрноподданныхъ.

«Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ имѣемъ честь именовать Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнымъ».

Этотъ адресъ былъ принятъ 186 голосами противъ 34, подписанъ 144 дворянами и отправленъ въ собственныя руки государю. Болѣе или менѣе сходные адреса и рѣчи были представлены въ собраніяхъ: тверскомъ, ярославскомъ, нижегородскомъ, орловскомъ и с. петербургскомъ. Теперь сыновья авторовъ этихъ заявленій, а по мѣстамъ даже сами авторы сидятъ въ дворянскихъ и земскихъ собраніяхъ. Что же скажутъ они теперь новому царю въ его коронацію?

Письмо студента-ветеринара по поводу Харьковскихъ студенческихъ волненій *).

Только теперь, когда меня начинаютъ осажать роковые вопросы о томъ, куда направить свои стопы **), а это доказываетъ, что весь пылъ остылъ, страсти улеглись, я берусь изложить послѣдовательно и безъ увлеченія факты.

Студентъ медикъ I курса, нѣкій З—ръ (еврей), гуляя по Екатеринославской улицѣ сумерками, часу въ 6-мъ, со своимъ пріятелемъ, тоже студентомъ, встрѣтилъ одну дѣвушку и давалъ за ней ухаживать. Дѣвушка переходила на другую сторону улицы; — они за ней, заходятъ съ обѣихъ сторонъ, подходятъ къ ней и дѣлаютъ попытки цаловать ее. Дѣвушка обороняется и при этомъ довольно громко плачетъ. Это, вотъ, рассказывали другіе два студента, которымъ удалось спасти несчастную дѣвушку отъ рукъ этихъ россійскихъ Донъ-Жуановъ. Надъ З—омъ и его пріятелемъ (когого фамилія не обнаружилась) назначенъ былъ университетскій судъ, который на-завтра же и состоялся. На судѣ же этотъ субъектъ держалъ себя очень нагло, будучи (къ стыду сказать) поддерживаемъ очень многими студентами-юристами. Во время происходившей ссоры, по поводу суда надъ этимъ субъектомъ, начальство всячески старалось разогнать ее. Вольеръ (помощникъ инспектора) то и дѣлалъ, что пригласилъ студентовъ расходиться, что, наконецъ, было исполнено только послѣ того, когда этого З—ра приговорили къ удаленію изъ университета. Такое давленіе на сердца студентовъ. Понятно, что съ этого времени началось замѣтное броженіе. Вскорѣ затѣмъ разнеслись слухи о Казанской исторіи; — официально о нихъ ни слова. Слухи варьируются; наконецъ, узнаемъ, что тамъ была стычка между войсками и студента-

*) Намъ доставлено это письмо, не предназначенное къ печати и потому писанное небрежно, — но при этомъ искреннее и характерное. (Ред.)

**) Авторъ письма — посланный за участіемъ въ волненіяхъ.

ми, при чем 6 студентов убито и множество раненных*).

В это время в Ветеринарном институте случился казус, который рѣшил дѣло: умеръ одинъ изъ лучшихъ нашихъ студентовъ; парень дѣльный, хотя онъ былъ не особенно замѣтенъ, ибо держалъ себя нѣсколько въ сторонѣ; долго возился съ нуждой, долго возился съ начальствомъ, хлопоча о стипендіи, на что имѣлъ право, ибо хорошо занимался, но тщетно. Онъ получаетъ скоротечную чахотку и умираетъ. Кое-какъ сколотили мы нѣсколько рублей и купили ему гробъ; просили университета похоронить его, — получили, подъ приличнымъ предлогомъ, отказъ. Мы обратились къ настоятелю церкви, что на Сумской улицѣ; удовлетворили; и вотъ въ одинъ прекрасный день мы двигаемся по Сумской похоронной процессіи. Нашихъ было человекъ 200, да еще изъ университета 150, если не больше. Все это тихо, чинно: сами его несемъ, сами всякія принадлежности тащимъ. На постороннихъ это должно было произвести благоприятное для студентовъ впечатлѣніе; намъ же оно, нѣкоторымъ образомъ, доказало, что «студенчество» существуетъ и что напрасно начальство или, вѣрнѣе, правительство силится насъ разъединить. Пришли на кладбище, опустили гробъ, похоронили нѣсколько молитвъ — и начались рѣчи, краснорѣчивыя, но пустыя — это говорили наши благопамѣренные ветеринары. Попъ и звѣзди уже разошлись, но мы еще не могли оторваться отъ этой свѣжей могилы товарища, многими изъ насъ любимого товарища — страдальца. У всѣхъ зашевелилось что-то въ душѣ, всѣ сознали, что онъ, нѣкоторымъ образомъ, былъ жертвой существующихъ нашихъ студенческихъ порядковъ. Цѣлымъ потокомъ рѣчей вылилось это и въ что наружу; по рѣчи эти совсемъ другаго свойства, чѣмъ тѣ первыя! Одинъ изъ ораторовъ бросилъ всѣмъ въ лицо обвиненіе въ халатномъ отношеніи другъ къ другу, слѣдствіемъ чего была смерть товарища. Обвиненіе было отпарировано тѣмъ, что студенчеству нѣтъ возможности устраивать дѣла самопомощности, такъ какъ правительство тормозитъ всѣ начинанія студентовъ.

Все это привело насъ серьезно взяться за дѣло и вызвало предложеніе одного почтительнаго товарища протестомъ, что должно было рѣшиться на сходкѣ завтра же. Затѣмъ пошли пренія, на какой стоятъ почвъ: на обще-гражданской, — политической, или на чисто студенческой? Пренія приняли бурный характеръ. Забили, мы что находимся на похоронахъ товарища. Закончилось все возваніемъ одного: «господа, стойте на какой угодно почвѣ, но не молчите, а не то куры васъ заклюютъ!...» Разошлись.... Узнали потомъ, что арестовали 3-хъ, но, ничего не добившись, выпустили. 16 Ноября собираются у насъ и въ университетѣ сходки. У насъ сходка была многолюдная, и протестъ вырабатывался энергично; одно слово: протестовать «до положенія ризъ» и... явился инспекторъ; его попросили «настоятельно» (какъ онъ выразился въ опроверженіи, которое онъ выставилъ на дверяхъ института противъ слуха о томъ, что его будто бы выбросили изъ окна на улицу) удалиться. Послана была депутация въ университетъ узнать, что тамъ происходитъ, для того, чтобы установить солидарность. Депутаты возвращаются запыханные и объявляютъ, что университетъ оцѣненъ войскомъ. Тогда раздаются крики: «идемъ въ университетъ!»...

Толпа въ 300 съ лишнимъ человекъ скорымъ шагомъ стройно двинулась къ университету. Являемся на Соборную площадь дѣлою народу и войска кругомъ университета. Мы дружно прорываемся сквозь цѣпи и при крикахъ съ той и другой стороны: ура! соединились со студентами. Нѣсколько минутъ сидѣли войска удаленно; мы также разошлись скоро послѣ удаленія солдатъ. На-завтра у насъ опять сходка,

опять энергично... — являются 5 ротъ солдатъ, 1½ сотни козакъ; насъ арестуютъ и ведутъ на Николаевскую улицу въ какія-то полицейскія казармы; перенесли и распустили. (Перенесенныхъ было всего 95 человекъ). Прямо изъ перенесеннаго пункта мы въ университетъ на сходку. Возлѣ университета опять войска, козакъ и народу — видимо-невидимо. Полицеймейстеръ, взявъ съ собою около 50 десятскихъ и солдатъ, входитъ въ зданіе университета; онъ уже хочетъ войти на верхнюю площадку; тамъ ему путь преграждаетъ ректоръ и объявляетъ ему, что тутъ онъ начальник и не позволить ему ни шагу дальше сдѣлать etc. На споръ явился понечитель и, обратившись къ намъ, проситъ разойтись; съ нимъ вступаютъ въ пренія; наконецъ онъ уходитъ, сопровождаемый руганью, за нимъ полицеймейстеръ со своимъ штабомъ — и ему тоже поютъ отходную.

Черезъ нѣсколько времени и мы разошлись. На завтра у насъ въ Институтѣ опять сходка, но народу пришло очень мало, человекъ 70 — 80, поговорили и рѣшили разойтись, такъ какъ было мало народу, завтра же соберется въ болѣе многочисленномъ. Въ университетѣ болѣе ничего не было. На завтра Институтъ закрытъ, и дѣло, значитъ, прикончилось. Дальше слѣдуетъ судъ: начальство намерено судить своихъ преступниковъ. Результаты слѣдующіе:

14 человекъ (приговорены) къ высылкѣ на родину и чтобы въ Харьковѣ не возвращаться; 53 уволены до августа 1883 года, съ правомъ послѣ этого поступить въ Харьковѣ. Остальнымъ амнистія. Въ университетѣ все окончилось тихо; никого не арестовали.

Замѣчательно, что во время безпорядковъ на полицію напала панка: начали просто прятать дѣла; дежурили каждый день 3 сотни козакъ и 3 батальона солдатъ. Все это было бы непонятно, но оно объясняется тѣмъ, что рабочіе, во время прошлагодныхъ безпорядковъ, прислали намъ сказать, что «пусть гг. студенты зачинаютъ, а мы полицію пришибаемъ».

Затѣмъ, всѣ извѣщенія «Правительств. Вѣстника» суть подлѣя извращенія фактовъ или, лучше сказать, ложь.

Post-Scriptum редакціи «В. Слова». Безпечетное письмо это рисуетъ намъ ярко положеніе теперешнихъ студентовъ, которымъ даже уставъ 1863 года отказалъ въ правахъ товарищеской организаціи, которую правила о клубахъ и обществахъ даютъ даже приказанья. Мы не раздѣляемъ вѣры тѣхъ студентовъ, которые думаютъ, что корпоративныя права ихъ сами по себѣ могутъ предупредить случаи смерти товарища отъ нищеты, не раздѣляемъ уже потому, что своими глазами видѣли исчезновеніе по рукамъ студентовъ трехъ студенческихъ кассъ, заемщики которыхъ не считали себя обязанными отдавать своихъ займовъ. Эти случаи, а также равнодушіе бывшихъ студентовъ и части бывшихъ заемщиковъ и стипендіатовъ къ исполненію своихъ взносовъ кассъ общества пособія студентамъ, показываютъ, что классъ учащихся и учившихся въ университетахъ нуждается въ повышеніи его нравственнаго уровня, — о чемъ свидѣтельствуетъ и гнусность, съ описанія которой начинается письмо ст. ветеринара. Но въ томъ то и дѣло, что корпоративная жизнь, при долговременномъ дѣйствіи, и могла бы служить здѣсь важною службою, не говори уже о томъ, что при корпоративной жизни описанные скандалы не могли бы служить поводомъ къ волненіямъ въ стѣнахъ школы. Корпорации съ ихъ товарищескими клубами, кассами взаимной помощи, литературно-научными обществами, развили бы въ молодежи истинныя порядочности и товарищества, культурные интересы и приближили бы, при соотвѣтственномъ воздѣйствіи профессорской корпораціи, — наши высшія школы къ идеалу *almae matris*, какъ ихъ зовутъ теперь только на парадныхъ объѣздахъ; тогда бы и связь окончившихъ студентовъ съ настоящими была бы живѣе и выражалась бы въ реальныхъ формахъ.

Ничего этого, конечно, не понимаютъ наши законодатели и администраторы, потому, между прочимъ, что они и не знаютъ, что такое

высшая школа — даже въ Россіи, а тѣмъ болѣе въ Зап. Европѣ. А вотъ, напр., извѣстный прусскій министръ Штейнъ не могъ себѣ представить университета безъ свободныхъ студенческихъ корпорацій, — такъ что, когда Метернихъ, по поводу убійства студ. Завандо Коцебу, придумывалъ противъ университетовъ мѣры (ангельскія въ сравненіи съ русскими), то этотъ государственный мужъ жаловался императору Александру I: «отнимаютъ у учителей и учениковъ свободу, которая необходима имъ для развитія характера и изслѣдованія истин!»

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛѢТЪ ВОЙНЫ ЧИНОВНИЧЕСТВА СЪ ЗЕМСТВОМЪ.

VI.

Таковы послѣдствія закона 21 ноября, который составляетъ одну изъ главныхъ причинъ бѣдности земства, а равно и земскихъ недоимокъ на прогрессивно бѣднѣющихъ крестьянахъ. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что въ накопленіи недоимокъ имѣетъ весьма серьезное значеніе также и безправіе земства въ дѣлѣ понужденія плательщиковъ и производства сборовъ чрезъ органы полиціи, совершенно не подчиненные земству. Всякое земское настояніе, въ этомъ случаѣ возможное только въ формѣ просьбы и жалобъ, сопряжено съ цѣлымъ рядомъ формальностей. Просьбы, обращенныя къ низшимъ органамъ, непосредственно занимающимся сборами, жалобы къ исправникамъ, наконецъ, къ губернаторамъ и ходатайства передъ высшей властью, — все это требуетъ времени, формальностей и усилъ всего этого зависить подчасъ отъ благопріятнаго положенія администраціи и полиціи, зависящихъ у которыхъ едва ли удобно всеословно выборному земству. Такимъ образомъ, съ одной стороны, ограниченность источниковъ доходовъ и бѣдность источниковъ, подлежащихъ обложенію, съ другой, трудность сбора налоговъ — вотъ условія финансовой жизни земствъ. Просматривая земскія ходатайства послѣднихъ лѣтъ и вообще вопросы, поднимаемые на земскихъ собраніяхъ, мы всею видимъ, что эти два обстоятельства — самыя большія мѣста земской дѣятельности. Земство лишено даже права взыскивать земскіе сборы и недоимки обыкновеннымъ гражданскимъ судебнымъ порядкомъ, доступнымъ частнымъ кредиторамъ относительно ихъ должниковъ. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ это единственный способъ полученія слѣдующихъ налоговъ. Полиція, которая въ настоящее время взыскиваетъ недоимки, еслибъ даже она и относилась, какъ слѣдуетъ, къ этому дѣлу, то имѣетъ и можетъ имѣть вліяніе и значеніе только у крестьянъ между тѣмъ изъ земскихъ отчетовъ мы видимъ, что громадные недоимки состоятъ изъ владѣльцами изъ привилегированныхъ классовъ. Если за крестьянствомъ накопилось чрезвычайныхъ недоимокъ, то это уже признакъ дѣйствительной бѣдности и неимѣнія средствъ платить, такъ какъ крестьянинъ исторически свѣкъ съ обязанностью уплаты налоговъ и поэтому, кто изъ крестьянъ мало-мальски имѣетъ къ тому возможность, тотъ самъ беретъ слѣдующее. Помѣщики же недоимки пронесяютъ въ большинствѣ случаевъ не отъ неимѣнія средствъ, а нѣрѣдко отъ пристрастнаго нежеланія и уклоненія отъ платежей, которыя еще болѣе поощряются безправіемъ земства производить взысканіе судебнымъ порядкомъ. Да и сама казна поощряетъ частныя

*) Еще разъ отмѣчаемъ отвѣтственность, какаю падаетъ на министра внутреннихъ дѣлъ за запрещеніе газетамъ писать о студенческихъ волненіяхъ, безъ котораго не было бы и подобныхъ слуховъ, со всѣми ихъ послѣдствіями. (Ред.)

лицъ къ неплатежу земскихъ повинностей. Можно ли повѣрить, что зачастую и на казенныхъ имуществѣхъ не только имѣются недоимки, но даже настолько запущенныя, что собраніямъ приходится добиваться чрезъ ходатайства у правительства уплаты этихъ недоимокъ! Уже земскія недоимки, наконецъ, не могутъ быть объяснены ничѣмъ, какъ явнымъ недоброжелательствомъ правительства къ земскому дѣлу.

Въ 1877 году оханское собраніе, Пермской губерніи, ходатайствовало о принужденіи управленія казенныхъ горныхъ заводовъ къ уплатѣ числящейся на нихъ недоимки. Пермское земское собраніе должно было сложить недоимку въ 33.460 р. 63 к., накопившуюся за казенными горными заводами. Екатеринбургское постановило ходатайствовать относительно уплаты земскаго налога, слѣдующаго съ имущества казенной гранильной фабрики, такъ какъ недоимка на этомъ имуществѣ накопляется со времени открытія земства въ губерніи. Екатеринбургское собраніе поручило управѣ спестись съ министерствомъ государственныхъ имуществъ и просить его объ уплатѣ числящейся за нимъ по Славяно-Сербскому уѣзду недоимки и постановило, что, если въ теченіе полугода отвѣта не послѣдуетъ или онъ будетъ неудовлетворителенъ, то уполномочить управу принести въ правительственный сенатъ жалобу на министерство государственныхъ имуществъ. Клинское собраніе въ томъ же 1878 году постановило: уполномочить управу, въ случаѣ невзбоя управленіемъ государственныхъ имуществъ недоимки, предъявить искъ на управленіе въ установленномъ порядкѣ. Камышовское собраніе постановило обратиться къ надлежащимъ министерствамъ съ просьбою о пополненіи недоимокъ, лежащихъ на горномъ вѣдомствѣ и управленіи государственныхъ имуществъ. Было бы долго перечислять различныя земскія постановленія и ходатайства по отношенію къ недоимкамъ съ казенныхъ имуществъ. Недоимки богатыхъ и титулованныхъ частныхъ владѣльцевъ тоже иногда достигаютъ громадныхъ размѣровъ. Въ Соликамскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, въ 1876 году, за тремя владѣльцами, кн. Голицынымъ, гр. Шуваловымъ и наследниками Всеволоскими числилось недоимки 75.906, т. е. почти ежегодный расходный бюджетъ цѣлаго уѣзда.

Всѣмъ безъ исключенія земскимъ собраніямъ изъ году въ годъ приходится разсуждать и измышлять способы для достиженія болѣе аккуратнаго сбора недоимокъ. Полиція вмѣстѣ того, чтобы содѣйствовать успѣшному сбору земскихъ повинностей, перѣдко отбрасываетъ отъ старшинъ собранія для этой цѣли деньги и пополняетъ ими недоимки подушной государственной подати и вообще сборъ земскихъ налоговъ относитъ къ дѣламъ второстепеннымъ, домашнимъ, что называется, неотвѣтственнымъ. Всѣ старанія земства сдѣлать что либо въ этомъ направленіи: жалобы губернаторамъ, ходатайства въ сенатъ, назначеніе премій за успѣшныя сборы, публикація фамилій неплатящихъ владѣльцевъ — не приносятъ должныхъ результатовъ. Вышнее правительство не принимаетъ рѣшительно никакихъ мѣръ къ измѣненію этого порядка. По вопросу объ измѣненіи способовъ

и системы взысканія земскихъ сборовъ и недоимокъ въ 1877 году ходатайствовали предъ правительствомъ земства: смоленское о принятіи мѣръ къ болѣе успѣшному взысканію сборовъ и о вмѣненіи въ обязанность мѣстной администраціи точно исполнять законъ, изложенный въ статьѣ 90 т. 4 устава о земскихъ повинностяхъ; тамбовское земство, Тамбовскій губерніи, ходатайствовало о предоставленіи управѣ права непосредственнаго участія во взысканіи земскихъ налоговъ и недоимокъ; петербургское земство постановило просить правительство о скорѣйшемъ разрѣшеніи ходатайства отъ 1873 года относительно примѣненія къ взысканію земскихъ сборовъ правилъ, изложенныхъ въ ст. 131 гор. пол.

Въ 1878 году, по постановленію собраній, ходатайствовали объ обязательномъ отчисленіи изъ представляемыхъ въ казначейство государственныхъ сборовъ извѣстнаго количества % на погашеніе земскихъ сборовъ: яранское (Вятской губерніи), павловское (Воронежской губерніи), екатеринславское, верхнедѣпровское (Екатеринславской губ.), мариупольское, кузнецкое (Саратовской губ.). Самарское постановило: повторить прежнее ходатайство въ томъ, чтобы земскіе сборы поступали преимущественно предъ всѣми другими и чтобы ко взысканію казенныхъ недоимокъ могло быть приступлено не иначе, какъ за уплатой всѣхъ земскихъ и страховыхъ сборовъ, что оказывается рѣшительно необходимымъ, такъ какъ земства не имѣютъ своихъ органовъ для взысканія; лица же, взыскивающія казенныя сборы, успѣхаютъ по службѣ заинтересованы въ поступленіи прежде всего сборовъ казенныхъ. Пермское земство просило права налагать секвестры на заложенные въ кредитныхъ учрежденіяхъ металлы тѣхъ заводовъ, за которыми числится недоимка, а также права продажи земель частныхъ владѣльцевъ въ случаѣ большаго накопленія недоимокъ. Въ 1879 году послѣдовали ходатайства: миусскаго земства (Донской области) объ учрежденіи должности особыхъ приставовъ для производства податныхъ сборовъ; уржумскаго, яранскаго (возобновили ходатайства), царскосельскаго и старобѣльскаго въ смыслѣ отчисленія въ счетъ земскихъ налоговъ извѣстныхъ % государственныя сборовъ; оргѣвскаго, череповецкаго,

петрозаводскаго и рязанскаго о предоставленіи земствамъ производить взысканія общ. судебн. порядкомъ. Здѣсь мы перечислили только часть ходатайствъ по этому вопросу въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, ходатайствъ передъ правительствомъ, которыя обыкновенно слѣдуютъ уже послѣ безплодныхъ многочисленныхъ просьбъ у мѣстныхъ властей, ходатайствъ у губернаторовъ и пр. Между тѣмъ правительство до сихъ поръ оставляетъ вопросъ открытымъ, не предпринимая рѣшительно никакихъ серьезныхъ мѣръ къ измѣненію этого тягостнаго для земства положенія, — хотя, казалось бы, одно несеніе земствомъ обязательныхъ расходовъ на удовлетвореніе государственныхъ потребностей должно бы было принудить правительство сдѣлать что нибудь по столь существенному вопросу.

Въ заключеніе настоящаго обзора финансовыхъ затрудненій, созданныхъ для земствъ правительственными злоумышленіями, мы считаемъ нелишнимъ бросить взглядъ на тѣ явленія въ земской финансовой жизни, которыя показываютъ, что происходитъ, когда въ вопросѣ обложенія сходятся результаты правительственныхъ измѣнленій, направившихъ земское обложеніе почти исключительно на землевладѣніе, съ результатами другихъ измѣнленій, давшихъ въ земскомъ представительствѣ несправедливое преобладаніе землевладѣнію крупному надъ крестьянскимъ, о чемъ мы говорили въ предыдущей главѣ. Въ такихъ случаяхъ происходитъ особенно несправедливое обложеніе крестьянской земли. Вотъ нѣкоторые тому примѣры: по проекту раскладки на 1880 годъ въ Ростовскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи, земли, принадлежащія крестьянамъ оцѣнены по 12 рублей съ платежомъ по 13 копѣекъ; надѣльныя земли, т. е. земли временнообязанныхъ крестьянъ, по 16 руб. съ платежомъ по 20 коп.; помѣщичьи же земли оцѣнены всего по 10 руб. съ платежомъ по 11 коп. Благодаря такой оцѣнкѣ, крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, должны были заплатить въ 1880 году до 35.000 руб. т. е. почти половину всего налога, предполаганнаго въ 1880 году. По Владимірской губерніи мы встречаемся съ совершенно тождественными явленіями:

Уѣзды.	Крестьянскія земли.		Помѣщичьи земли.		Средн. оцѣнка дес.		Въ сколько разъ кр. земля оцѣн. болѣе.	
	кол. дес.	цѣнность.	кол. дес.	цѣнность.	крестьян.	помѣщ.	оцѣн.	болѣе.
Владимірскій	166.632	3.038.241	53.949	509.332	18,2	9,4	1,9	
Суздальскій	142.499	2.413.250	74.152	352.539	16,9	4,7	3,5	
Ковровский	193.241	2.394.588	118.959	431.027	12,3	3,6	3,4	
Вязниковскій	133.826	1.715.816	100.975	596.146	12,8	5,9	2,1	
Гороховецкій	176.632	2.363.117	88.484	556.364	13,3	6,2	2,1	
Муромскій	130.158	1.840.514	73.866	501.251	14,1	6,7	2,1	
Покровский	187.425	1.943.655	146.771	412.082	10,3	2,8	3,6	
Александровскій	162.937	1.709.184	81.127	332.544	10,4	4,0	2,6	

Въ другихъ уѣздахъ раздѣлка сдѣлана въ такомъ же родѣ. Но неравномѣрность распределенія земельныхъ повинностей не ограничивается этимъ. Въ Муромскомъ уѣздѣ торговля заведеніями (трактиры), принадлежащая частнымъ владѣльцамъ оцѣнены среднимъ числомъ по 800 рублей, тогда какъ такіе же заведенія, принадлежащія сельскимъ обществамъ, оцѣнены по 1857 р., т. е. въ 2, 3 раза болѣе.

Въ Московской губерніи, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ арендная плата крестьянской земли ниже помѣщичьей, а земское обложеніе выше. Въ Подольскомъ уѣздѣ средняя арендная цѣна крестьянской земли оказывается ниже средней цѣны частныхъ владѣльцевъ на 34 %, въ Серпуховскомъ на 43 %, въ Верейскомъ на 51 %, въ Рузскомъ 40 %, но, не смотря на эту разницу, на крестьянскія земли земскій сборъ опредѣленъ болѣе, чѣмъ

что толку въ наукѣ, которая обезобразила общественныя отношенія? Но давно ли стала Европа записываться социальными вопросами? За то другіе вопросы — личные, напиримѣрь, не она ли подняла и разработала? А вѣдь безъ отвѣта на вопросъ личный не было бы вопроса общественнаго! Вѣдь вся задача въ томъ, что бы согласить теперь отвѣты на оба вопроса. На долю русскихъ выпала второй и тутъ нельзя не согласиться съ неотразимыми доводами Вашими. Опять спѣшу и чувствую, что говорю нескладно. Если теперь Строгонова*) не приметъ Колоколъ, то вѣроятно онъ несокрушимъ.

Преданный Вамъ всѣмъ сердцемъ
С. Громска.

Н. В. О закрытіи для Колокола одесскаго порта, не беспокойтесь: ничего не сдѣлають. Впрочемъ, посятся слухи, что собираются сдѣлать набѣгъ на... Это впрочемъ пустяки — на провозъ Колокола у насъ не сердятся, другое дѣло — за перенеску съ Колоколомъ. Н. Н. сильно прижали было по подозрѣнію за доставленіе Вамъ свѣдѣній; губерніи. предводит. Касиновъ обѣщать публично дойти до него; Строгоновъ тоже началъ было насѣдять, но я успѣлъ кое-какъ смягчить первые перуны; теперь обвиненіе ходитъ уже около меня самого; я успѣлъ ихъ отвести на первый разъ довольно удачно.

18-е Апрѣля 1861 г. С.-Петербургъ.

Не знаю, насколько вѣрныя нуть, которыми посылаю это письмо, но теперь это послѣдній вопросъ; дѣло въ томъ, что я не могу не сообщить Вамъ, какимъ бы то ни было путемъ, тѣхъ печальныхъ извѣстій, которыя жгутъ меня невыразимою болью. Не знаю, съ чего начать? Варшавскія дѣла Вамъ извѣстны. Займемся дѣлами внутренними.

[Вамъ извѣстно, что государь разослалъ по всѣмъ губерніямъ своихъ флигель и генералъ-адъютантовъ для произведенія безпорядковъ между народомъ, по поводу новыхъ крестьянскихъ положеній: адъютанты въ точности исполнили приказаніе своего повелителя. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только дѣйствуютъ набойбѣ тупоумные изъ этихъ адъютантовъ, дѣйствуютъ розги, дѣйствуетъ войско и льется кровь. Я напѣрное знаю, что третьяго дни посланы три новые генералъ-адъютанта (въ добавокъ къ дѣйствующимъ) въ губерніи Казанскую, Тамбовскую и еще, кажется, въ Рязанскую. Эти новые посланцы снабжены полномочіемъ вѣшать и разстрѣливать по усмотрѣнію. Въ Казани явился самозванецъ (въ Спасскомъ уѣздѣ), выдающій себя за Александра Николаевича, гонимаго дворянина. 17 деревень окопались и сражаются съ войсками подъ знаменемъ этого господина. Кто онъ, — не извѣстно. Но схвачены были упорные: 70 человѣкъ крестьянъ уже легли жертвою, нѣтъ войска взяты въ плѣнъ крестьянами ротный командиръ, исправникъ и еще нѣсколько мелкихъ чиновъ. Какъ ни похоже все это на сказку, но это — истина, которая не сегодня-завтра появится въ газетахъ. Туда поскакалъ уже Яфимовичъ, спеціалистъ по части усмиренья... Въ одномъ мѣстѣ, не знаю только въ Казанской или Тамбовской губерніи, среди толпы, въ

которую стрѣляли, стоялъ крестьянинъ, держа обѣими руками, надъ головою, манифестъ, — и такъ до конца остался невредимымъ, хотя подлѣ него валялись кучи тѣлъ.]*)

Ну-съ, что же мнѣ теперь начать? Куда ни повернешься, — вездѣ хорошо. Пироговъ уволенъ по телеграфу, вслѣдствіе доноса князя Васильчикова кievскаго, въ его годовомъ отчетѣ государю, что Пироговъ завелъ какой то самосудъ между гимназистами и ограничилъ права директоровъ въ наказаніи учениковъ (резолуція государя: ни съ чѣмъ несообразно и доказываетъ всю неосновательность пошептателя!). Впрочемъ, эту резолюцію и текстъ посылаю въ литографированной копіи, которая разослана по высочайшему повелѣнію всѣмъ губернаторамъ въ назиданіе — какъ слѣдуетъ писать отчеты **). — Дѣло въ томъ, что Пироговъ, отъявленный демократъ, не сошелся съ княгиней Катериною Васильевою (?) Васильчиковою, урожденною кн. Щербатовой, которая управляетъ кievскимъ краемъ вмѣсто мужа.

*) Слова взятыя нами въ [], были напечатаны въ «Колоколѣ», № 98—99 съ измѣненіемъ послѣдней фразы такъ: «въ народѣ разнесся слухъ, что онъ» и т. д. Между прочимъ здѣсь сообщаются не совсѣмъ точныя свѣдѣнія о бунтѣ крестьянъ въ с. Безднѣ съ А. Петровымъ во главѣ. Мы помѣщаемъ и эту часть письма, между прочимъ, чтобы показать, какъ мало основательны упреки, въ родѣ тѣхъ, какіе дѣлалъ Герцену, напир., Ю. Самаринъ за неточныя представленія о событіяхъ въ Россіи, въ томъ числѣ и о дѣлѣ А. Петрова. Оказывается, что Громска, вращавшійся въ обществѣ Шуваловыхъ, зналъ объ этомъ дѣлѣ сказки. Печатаю то, что доходило до него, «Колоколъ» все же служилъ дѣлу гласности, какъ могъ. Лучше ли ей служили и служатъ строгіе судьи «Колокола»? Пусть имъ подскажетъ ихъ совѣсть. Сами же они говорили, что ихъ «Денъ» подвергается «цензурному холоденію». Почему же они не завели себѣ своего «мужественнаго» органа, который бы перещеголялъ Колоколъ между прочимъ и точностью свѣдѣній? Впрочемъ относительно, напир., дѣла А. Петрова и московскіе дѣтели не имѣли представленій болѣе точныхъ, чѣмъ Герценъ. Такъ Самаринъ пресерьезно видѣть и въ немъ — польскую интригу, какъ и пожарахъ 1863 г. А между тѣмъ, кромѣ всего прочаго, мы положительно знаемъ отъ казанцевъ, судившихся за политическое дѣло 1862—63 гг., что бунтъ А. Петрова 1861 г. былъ вполнѣ самопроизвольнъ и что сами казанскіе революционеры организовались главнымъ образомъ подъ влияніемъ этого бунта и тоже совершенно независимо не только отъ польскихъ, но и другихъ возбудителей (въ родѣ, напир., «Земли и Воли»). Что до пожаровъ, — то извѣстно, во что обратился мнѣ о «Тульчинской поджигательной агентціи Герцена и поляковъ», послѣ того какъ агентъ Кельсевичъ оказался — сотруدنникомъ г. Каткова — Иваномъ-Желудковымъ! А между тѣмъ Самаринъ, поддерживая, какъ и Катковъ, мнѣ о «польской интригѣ», — обратившей себѣ на службу русскій революціонизмъ и либерализмъ, — не только служили отъ себя «людямъ, не терявшимъ надежды сбить правительство на старую дорогу и повторить Арачеевскую реакцію» (Русь, I, 39), — т. е. грѣшили тѣмъ, въ чемъ Самаринъ упрекалъ Герцена и революціонеровъ, — но сами дѣлали часть этой реакціи.

М. Д.

**) Замѣтимъ, что Пироговъ два раза подавалъ Александру II записки о своей школьной системѣ и оба раза получалъ одобреніе самодержца. См. объ этомъ въ брошюрѣ «Прощаніе Кіева съ Н. И. Пироговымъ» показанія тайн. сов. М. Юзефовича, нѣкогда предателя Костомарова и правой руки ген. Бибикова, потомъ либерала и обожателя Пирогова, а за тѣмъ опять донощика и бича либерализма, противъ котораго онъ еще недавно паздалъ глупую брошюру, расхваленную въ «М. Вѣд.», и всегда другомъ оск. славянофиловъ. — Копія, о которой говоритъ Г—нъ, напечатана въ 100 № «Колокола».

М. Д.

Тимашевъ (слушайте!) послѣ неоднократныхъ попытокъ уничтожить III отдѣленіе или доказать необходимость его уничтоженія, подалъ въ отставку, увѣдомивъ кн. Долгорукова*), что не можетъ далѣе оставаться въ учрежденіи, которое съ окончаніемъ крестьянскаго вопроса становится безмысленнымъ. (Передаю со словъ людей, выдающихъ все это за чистую правду). Государь очень немщлостиво отнесся къ этому поступку Тимашева и велѣлъ его уволить въ безсрочный отпускъ, а на его мѣсто назначилъ графа Шувалова. — Это назначеніе было для Шувалова неожиданнымъ ударомъ; онъ привыкъ беречь доброе имя, вынесенное имъ изъ весьма скользкаго мѣста Петербур. Оберъ-полиціймейстера; съ другой стороны, страшно было Колокола и его безпомядныхъ стрѣлъ, съ третьей стороны — невозможно было и отказаться, по правиламъ придворной логики (Шуваловъ воспитывался во дворѣ и состоитъ въ немъ домашнимъ человѣкомъ, хотя это не мѣшало ему быть до сихъ поръ порядочнымъ человѣкомъ). Все это заставило его написать письмо къ Долгорукову и просить объяснить государю причины, почему онъ гнушается III отдѣленіемъ. Прежде чѣмъ я приведу Вамъ отрывки изъ этого письма, долженъ сказать, что ни государь, ни Долгоруковъ до сихъ поръ не понимали (бѣдныя!), что собственно нехорошаго въ III отдѣленіи, и простоудшно вѣрили, что нерасположеніе это почерпнуто изъ Колокола и другихъ революціонныхъ изданій. Чтобы разсѣять эти заблужденія — съ одной стороны, а съ другой, чтобы не рисковать самому быть зачисленнымъ въ красные, Шуваловъ оставилъ неприкосновенною тайную полицію, а старался въ письмѣ своемъ разбить «тайный судъ, находящійся въ рукахъ тайной полиціи». Вотъ отрывки изъ этого письма:

«Всякая полиція, въ сущности, тайная и не она страшна для честныхъ людей, — страшенъ тайный судъ, право слѣдствія и право ареста, находящіеся въ рукахъ тайной полиціи. Люди, обязанные охранять снокоиствіе государства, всегда склонны видѣть во всемъ опасность и преувеличивать значеніе каждаго факта. Такова уже человѣческая натура; и если подобная склонность ничѣмъ не будетъ умѣряема и отрезвляема, если люди, обязанные подозрѣвать всѣхъ и каждаго, не только не обязаны подкрѣплять свои подозрѣнія судебными доказательствами, но напротивъ имѣютъ право при первомъ подозрѣніи подвергнуть каждаго аресту, то весьма естественно, что они легче другихъ людей могутъ впадать въ ошибки и несправедливость. Если же отъ этихъ самыхъ людей будутъ зависѣть допросы подозреваемыхъ и представленія заключеній по допросамъ, то уже нѣтъ никакой надежды къ исправленію ихъ ошибокъ и увлеченій, и для цвинно заключеннаго исчезаетъ всякая возможность правильной защиты. Вотъ почему при имени III отд. вслкій чувствуетъ невольный трепетъ и смущеніе...

...«Страшно въ немъ не то, что оно дѣлается, а то, что оно можетъ сдѣлать. А можетъ оно во всякую минуту вторгнуться

*) Кн. Д.—овъ былъ тогда шефомъ жандармовъ, а Тимашевъ начальникомъ его штаба. М. Д.

*) Одесскій ген.-губернаторъ. М. Д.

въ каждый домъ и семейство, схватить оттуда какую угодно жертву и заключить въ казематъ, извлечь изъ этой жертвы, какое угодно, признаніе, не прибѣгая къ пыткамъ, и потомъ можетъ представить государю все дѣло въ такомъ видѣ, въ какомъ пожелаетъ...

«Ваше С—ство! Такое точно учрежденіе, но только подъ другими названіями, оставило по себѣ страшныя воспоминанія въ исторіи католическаго запада и у насъ во время Бирона. Это же самое учрежденіе недавно оттолкнуло неаполитанцевъ отъ любви къ своему законному государю. Оно же прославилось во времена кроткой и мудрой Екатерины II именемъ Шенковского. Вотъ почему Александръ Благословенный тотчасъ по вступленіи на престолъ издалъ манифестъ объ уничтоженіи тайной канцеляріи и о преданіи самой памяти ея вѣчному забвенію.

«Въ прошедшемъ году Государь повелѣлъ отдѣлить судебную власть отъ земскихъ и градскихъ полицій. Если эта власть оказалась вредною въ рукахъ обыкновенной полиціи, то оставлять ее долѣе въ рукахъ тайной полиціи было бы совершенно несправедливо, особенно теперь, когда крестьянскій вопросъ рѣшенъ.

«Я колеблюсь вступить въ III отдѣленіе, не потому только, что желалъ бы сберечь собственное мое имя отъ неминуемыхъ клеветъ и оскорбленій; мнѣ дорога слава имени моего Государя, за каждымъ шагомъ котораго исторія слѣдитъ теперь съ любовью. И потому, я счелъ бы себя преступнымъ, если бы скрылся отъ него, прежде чѣмъ вступить въ III отдѣленіе, ту тѣнь, которая неотступно слѣдуетъ за этимъ учрежденіемъ и которая такъ хорошо знакома всему человѣчеству, изъ исторіи такихъ же учреждений въ другихъ государствахъ, что съ моей стороны было бы крайнимъ заблужденіемъ надѣяться закрыть эту тѣнь моею личностью или смыть ее моими дѣйствіями»...

Въ заключеніе Шуваловъ предложилъ: 1) отдѣлить отъ тайной полиціи судебную власть и право производства слѣдствій и передать ихъ въ руки обыкновенныхъ судовъ и судебныхъ слѣдователей. 2) Всѣ полиціи соединить въ одно управленіе, подвѣдомственное министру внутреннихъ дѣлъ. (Этимъ косвенно онъ хотѣлъ уничтожить и тайную полицію, не нападая на нее открыто).

Письмо это было прочтено государемъ и... воспослѣдовало слѣдующее восклицаніе: «кто же мнѣ будетъ сообщать о революціонномъ направленіи, повсюду теперь распространяющемся, направленіи—которому поддавалось само министерство внутреннихъ дѣлъ?»...

Я сообщаю Вамъ эти факты собственно для того, чтобы Вы поняли Шувалова, который, быть можетъ, со временемъ и успѣетъ еще сдѣлать что нибудь доброе. Печатать же эти факты остерегитесь, потому что этимъ выдадите меня,—единственного человѣка, кому они могли быть извѣстны. Я увѣренъ, что Вы не приминете этой просьбы моей личной трусости. Я бы сейчасъ ухажалъ вонъ отсюда, если бы не семеро дѣтей.

Мѣсяцъ тому назадъ Шуваловъ затащилъ меня въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Я согласился тѣмъ болѣе, что крестьянскій вопросъ окончился съ честью для правительства и потому наконецъ, что это единствен-

ное министерство, гдѣ можно было сдѣлать что нибудь. Теперь вообразите мое отчаяніе: Шуваловъ попалъ въ Тимашевы, Милютинъ попалъ опять въ немилости; Ланской на дняхъ будетъ уволенъ съ графскимъ достоинствомъ, а на его мѣсто сядетъ Муравьевъ въ-на-я-щ-й!!!

На святую готовится кромѣ того какой то громовой ударъ. Александръ Николаевичъ—разсвирѣпѣлъ по поводу польскихъ и казанскихъ дѣлъ и хочетъ ужаснуть чѣмъ то всю публику и весь міръ. Это настроеніе извѣстно мнѣ изъ вѣрныхъ источниковъ и оно разрѣшилось на второй день пасхи. Вообще такой сильной реакціи никогда еще не было. Воздухъ становится красенъ. Тяжкій отчетъ дадутъ наши аристократы, снова завладѣніе умомъ и волею своего барина. Жму Вашу благородную руку, — на нее только и надежда. Получили ли Вы мои портреты, переданные чрезъ Z. Z. Жду въ отплату вашихъ. Будьте здоровы и благополучны. Слыхалъ про обѣдъ Вашихъ*) и соединеніе съ поляками. Повторяю, нѣтъ у насъ другой надежды кромѣ Васъ. Если путь, которымъ посылаю это письмо, окажется благополучнымъ, то постараюсь пользоваться имъ постоянно. Еще разъ прошу Васъ, дорогой Александръ Ивановичъ, поберегите до времени Шувалова, пока онъ подаетъ надежды, но когда онъ измѣнитъ этимъ надеждамъ, что очень возможно со стороны придворныхъ людей, я первый возстану противъ него. Теперь же я еще надѣюсь на него, потому что онъ боится и уважаетъ общественное мнѣніе, т. е. Васъ. Я только потому и заступаюсь за него, что онъ самымъ искреннимъ образомъ возставалъ до сихъ поръ противъ Тимашевской цензуры.

Весь вашъ С. Громека.

11-е Мая 1861 г. С.-Петербургъ.

Сейчасъ я читалъ, перечитывалъ и опять читалъ Вашего «Роберта Оуэна» — и глаза мои до сихъ поръ полны слезъ восхищенія и гордости, что такая статья написана по русски.

Отрадно было вздохнуть на Вашей статьѣ. Утѣшительно думать, что у насъ въ Лондонѣ свой король есть. И когда бы Вы знали, какъ боялся этого короля наши цари и царьки! Еще недавно Александръ Николаевичъ, получивъ Колоколъ въ присутствіи гр. Шувалова, сказалъ ему со вздохомъ: «вотъ что болѣе всего вредитъ намъ!» Еще бы! И этотъ чловѣкъ, съ гордостью и упрямствомъ разрывающій и приказывающій убійства, вздыхаетъ отъ Колокола!

Съ прошлаго почтою я передалъ Вамъ чрезъ другихъ (самому писать было некогда) о подвигахъ коломненскаго предводителя Скорнякова. Вы знаете также о бойнѣ, произведенной Апракенинымъ въ Казанской губерніи, но вы еще не знаете, до какого благодѣянія дошелъ нашъ Александръ II. Извѣстія, которыя онъ получалъ отовсюду о дѣйствіяхъ своихъ адъютантовъ, были таковы, что самые близкіе къ нему люди увѣрены были, что Апракенину не сдобровать. А онъ—ангелъ!—повѣсилъ Апракенину Владиміра на шею, вмѣсто того чтобы его самого по-

вѣсить. Сотрудника же Апракенина—Спаскаго предводителя Молостова пожаловалъ двумя наградами: орденомъ и чинкомъ (не смотря даже на то, что онъ въ отставкѣ; нарушеніе военныхъ приличій неслыханное!)

Недуренъ также слѣдующій поступокъ его: Вы вѣроятно слышали, что я, стѣсненный голодомъ, вынужденъ былъ поступить на службу и поступилъ (послѣ крестьянск. реформы) въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Первая бумага, которую мнѣ довелось составлять къ докладу царю, была по слѣдующему поводу: Виленск. генер. губерніи. Назимовъ жаловался на предводителей дворянства: виленск. графа Тинкевича и бѣлостокскаго—Саковича,—что они ведутъ себя неприлично въ политическомъ отношеніи: Тинкевичъ заказывать обѣды на 1500 чловѣкъ простоямъ и новъ къ свѣтлому празднику, а жена его—принимала участіе въ подпискѣ въ пользу семей убитыхъ въ Варшавѣ. За это Назимовъ выслалъ графа и его жену въ деревню подъ полицейскій надзоръ и просилъ, чтобы его удалить отъ службы (а также Саковича, который присутствовалъ при напихивѣ въ память варшавскихъ убитыхъ).

Докладъ составленъ былъ мною въ слѣдующемъ видѣ: «такъ-то Назимовъ поступилъ, такъ-то и проситъ о томъ-то. Представляю о семъ, министръ считаетъ долгомъ доложить, что, по закону, предводители увольняются не иначе, какъ по суду и съ разрѣшенія сената». Докладъ былъ возвращенъ ко мнѣ съ слѣдующею отмычкой министра Ланскаго (это былъ послѣдній его докладъ): «государь приказалъ исполнить согласно ходатайству Назимова—т. е. уволить противъ закона».

Мною получены свѣдѣнія изъ губерній,—гдѣ производился кровопролитіи,—что тамъ крестьяне собираются перебить бояръ и начальныхъ людей. Sic!

Кстати о Шуваловѣ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ перешелъ въ III отдѣленіе, я его не видалъ и ничего не знаю, что онъ намѣренъ дѣлать. Очень можетъ быть, что теперь и вправду не время уговаривать Саму объ уничтоженіи тайной полиціи, а можетъ быть Шуваловъ уже и примирился съ своимъ положеніемъ и таинственною властью, что я ему предсказывалъ. Но когда онъ шелъ туда, онъ очень искренно боялся Колокола и отъ чистаго сердца благодарилъ меня за письмо, изъ котораго отрывки я уже сообщалъ Вамъ*). Правда, у него не хватило духу адресовать это письмо прямо государю, какъ это было условлено сначала (онъ адресовалъ его къ кн. Долгорукому, который однако прочиталъ его государю), но кто же отъ этихъ господъ станеть требовать гражданского мужества? Убить и разстрѣлять 200 крестьянъ у нихъ всегда достаетъ духу, а сказать правду въ глаза чловѣку... (Но нецъ письма утерять).

*) Изъ этихъ словъ можно вывести, что въ самомъ Громеко, и сообщено было Гершену съ согласіемъ самаго Ш—ва. Въ «Колоколѣ» (№ 92—93) извѣстіе о замѣнѣ Тимашева Ш—вымъ сопровождалось слѣдующими строками: «Если Ш—въ имѣлъ смѣлость своимъ именемъ, то принявъ, какъ говорится, à contre sens, мѣсто (непростительная слабость!) пусть же онъ сдѣлаетъ его ненужнымъ». М. Д.

*) По поводу эмансипаціи крестьянъ. М. Д.

20-е Мая 1861 г. С.-Петербургъ.

Изнывая подъ тяжестью кровавыхъ извѣстій и разрушенныхъ надеждъ, я перечитываю Вашу книгу «За пять лѣтъ», и она подкрѣпляетъ мои силы. Года два тому назадъ я еще не такъ понималъ Васъ какъ слѣдуетъ и слова Ваши не такъ глубоко ложились на сердце какъ теперь. Уроженецъ Малороссіи, я мало интересовался общиннымъ вопросомъ и крѣпко стоялъ за личность, хотя чувствовалъ, что на Вашей сторонѣ сила правды. Но въ теченіи послѣдняго года я пережилъ переломъ и отошелъ отъ «Русскаго Вѣстника», хотя очень любилъ Каткова какъ человѣка. Не могъ я пристать къ «Современнику», потому что не нахожу ничего симпатическаго въ немъ и даже, — признаюсь откровенно, — онъ меня отталкиваетъ своимъ безотраднымъ невѣріемъ въ людей, своимъ отсутствіемъ любви и эгоизмомъ. Я поселился въ «Отеч. Запискахъ», какъ на плоскости, пшчѣмъ незащитой и пустынной. Вроде, и тутъ я, по всей вѣроятности, временный гость, потому что никогда не проситрять претензій на званіе писателя и писколько къ нему не приготовленъ. Всю жизнь я былъ человѣкомъ дѣла и схватился за слово только тогда, когда казалось возможнымъ высказать сго. Теперь и эта возможность исчезла. Теперь пора бы приняться за дѣло, но какъ, съ кѣмъ, за какое дѣло *)? Гдѣ тѣ проснувшіяся силы, гдѣ та дикая дерзость замысловъ и надеждъ, о которыхъ вы говорили въ пятомъ письмѣ (Россія и Польша)? Вотъ мы подошли къ берегу: крестьянскій вопросъ рѣшенъ — и христіанское воинство стрѣляетъ и сѣчетъ крестьянъ точно такъ, какъ стрѣляло и сѣкло при Николаѣ. Весь берегъ залитъ кровью, слезами, разрушенными надеждами, а мы молчимъ или занимаемся сплетнями и скандальчиками. Немного только нажала правительственная рука, — и мы приемирѣли и разошлись въ разныя стороны, какъ будто такъ много сдѣлали, что пора на отдыхъ....

Я читалъ Ваше доброе писицецо къ Андрею Н**, въ которомъ Вы не одобряете нашихъ замысловъ перебраться къ Вамъ. Боже мой, — сколько у Васъ любви къ людямъ! Откуда Вы берете ее, какъ стать Васъ на все и для всѣхъ? А посмотрите, что у насъ дѣлается: кружки, сплетни, вражда другъ къ другу, какъ будто вся литература изъ инноплеменниковъ, какъ будто ей нечего любить собища, не съ кѣмъ бороться соединенными силами!

Я часто повторялъ Вамъ въ письмахъ моихъ, что у насъ одна только надежда — на Васъ. Это не фраза. Если бы Вы были среди насъ, — Вы были бы русскимъ Гарибальди, а теперь намъ остается читать Ваше Евангеліе и ждать, пока Вы разпелелите насъ. Миѣ кажется, что Вы ужъ много занимаетесь правительствомъ и черезъ чуръ мало — нами. Намъ нужно подгонять; — мы привыкли къ этому. А на правительство надежды нѣтъ никакой: оно окончательно свихнуло съ ума.

Ужасъ обнимаетъ меня, когда подумаю, что мы такъ еще слабы и разрознены, такъ далеко отъ энергической оппозиціи, что еще два, три пажатія, — и мы опять утѣшимся и опять по-

*) Дѣла, пожалуй, много, но съ завязаннымъ ртомъ и связанными руками — плохо какъ то дѣлается.

грузимся въ мелкія сплетни и словопрениа. А Вы, стоя далеко, полны такихъ надеждъ, такой силы, такой всеобъемлющей любви и ненависти! Скажите: гдѣ же у насъ хоть капля такой силы? Чернышевскій, который нѣсколько времени тому назадъ (а для многихъ и теперь) считался апостоломъ среди молодежи, — онъ, человѣкъ несомнѣнной честности, — что онъ сдѣлалъ, чтобы вдохновить молодежь? Онъ проповѣдуетъ открыто, что всѣ люди мошенники и эгоисты; онъ говоритъ, что самъ себя не вѣрнитъ и никому не совѣтуетъ довѣрять ему денегъ: — какое единство, какую силу можетъ вдохнуть такое ученіе? Катковъ — человѣкъ благородный, талантливый и горячій, но — несправивимъ въ своемъ западниствѣ. Костомаровъ — могъ бы быть центромъ для насъ, но — предается наукѣ, одной наукѣ. Кавелинъ совсѣмъ отбился, да и понесъ ужасную потерю, послѣ которой не скоро оправится. Гдѣ же собираться, гдѣ отвести думу; гдѣ подкрѣпить силы и надежды? Одна надежда на Васъ, — на Вашу неистощимую энергію, на Ваши неслабѣющіе громы, на вашу вѣчно свѣжую любовь и вѣру въ Россію.

Простите миѣ эти новыя изліянія. Миѣ такъ тяжело въ моемъ одиночествѣ, въ моемъ безспіи, въ моей тяжелой обстановкѣ: съ одной стороны, семеро дѣтей и жена въ нуждѣ, съ другой — подлая необходимость ходить ежедневно въ департаментъ и писать глупѣйшія бумаги, съ третьей — кровь и стоны, съ четвертой — литературныя дразни... Такъ бы и кинулся въ первый омутъ, въ первый водоворотъ.

Посудите сами: Щаповъ, казанскій профессоръ, сказалъ студентамъ горячее слово и требовалъ панихиды по убиеннымъ мученикамъ Спасскаго уѣзда. Его велѣли схватить (и какъ подло схватили: усадили въ командировку и захватили на первой станціи — боялись взить въ Казань) (Конечъ письма затеряно *).

НАЧАЛО НОВАГО СОЦІАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ ВЕНГРИИ.

Венгрія считалась классической страной свободы и самоуправленія на континентѣ Ев-

*) Письмо это интересно, какъ отголосокъ того безотраднаго настроенія р. общества въ самый моментъ эмансипаціи крестьянъ, которое составляетъ такой контрастъ съ одушевленіемъ, съ какимъ встрѣчена была вѣсть о началѣ этой реформы. Мы встрѣтились еще съ отголосками этого настроенія въ письмахъ другихъ лицъ, изъ коихъ одно (Н. С. Аксаковъ) выразился, что въ реформѣ 19 февраля 1861 г. повѣлялъ, конечно, «свѣжій воздухъ», но фильтрованный сквозь такіа вонючія тѣла, что его и признать трудно! На сколько тутъ было вины (вольной или невольной) самого царя-освободителя. — объ этомъ и говорить лишнее. Но въ письмѣ Громыки интересна еще одна черта русскаго общества (мы были бы рады, если бы могли съ спокойной совѣстью прибавить: — тогдашнго), это жажда начальства, царя, — частнаго, если не коронованнаго. Бѣдные современники Громыки въ 1861 г. не знали, кого бы выбрать себѣ въ «центры». Не много спустя центры нашлись: для однихъ г. Катковъ, который закончилъ свою эволюцію изъ западника-англмана въ московскаго будочника, для другихъ — Писаревъ, — и интересно, что оба лагеря выбрали себѣ вождей съ самыми простыми и девизами, по съ самыми рѣшительными манерами. Все не только рефлектирующее, но и все сложное (какъ все дѣйствительно культурное) оказалось не въ авантажъ. Параллельно этому и изъ заграничныхъ авторитетовъ упалъ Герценъ и возвысился Бакунинъ. М. Д.

ропы. Ея Magna Charta, состоявшаяся только 7 лѣтъ спустя послѣ англійской, заключала уже въ себѣ право неповиновенія незаконнымъ требованіямъ власти, право возстанія, отказаться отъ котораго не могло принудить венгерцевъ никакое давленіе обстоятельствъ, никакія утѣшенія сильнѣйшаго. Рядомъ съ пользованіемъ политической свободой и правомъ возстанія за сѣ сохраненіе, въ Венгріи всегда процвѣтала и теорія политики, образование цѣнилось по преимуществу въ примѣненіи къ политической жизни, едва ли не единственной сторонѣ жизни венгерскаго народа, въ которой проявилось его самостоятельное творчество.

Если, поэтому, Венгрія, именно господствующая въ ней мадьярская народность, заслуживаетъ названія политической націи *par excellence* за все время своей исторіи, то еще болѣе это справедливо относительно XIX вѣка. Одни политическія сочиненія, переведенныя съ венгерскаго или писанныя венгерцами на иностранныхъ языкахъ, составляютъ значительную литературу, полную оригинальныхъ мыслей и которою нерѣдко пользовались первые изъ западно-европейскихъ ученыхъ. «О чемъ другомъ» — говорилъ пишущему эти строки покойный Блунчи — «не стоитъ и случать венгерцевъ, но въ политикѣ они компетентнѣе всѣхъ континентальныхъ европейцевъ, и миѣнія ихъ тѣмъ интереснѣе, что, исходя изъ положенія своего отечества, они доработываются однако до общихъ выводовъ, которыми могутъ пользоваться и другіе народы».

Съ 1867 года, т. е. съ поступленіемъ королевства Св. Стефана въ полное распоряженіе мадьяръ, въ Венгріи, казалось, наступилъ золотой вѣкъ политической свободы и конституціоннаго правленія. Королевская власть ограничивается обереганіемъ страны съизвѣстъ и также мало, какъ въ Англіи, вмѣшивается въ внутреннюю политику; аристократія, лишенная матеріальной основы вліянія англійской аристократіи, не ищетъ преобладанія, а только старается оправдать свое высокое соціальное положеніе патріотической дѣятельностью; правительство, правильно выходящее изъ большинства народныхъ представителей, серьезно заботится объ усиленіи производства страны и поднятій народнаго образованія: статистическія данныя свидѣтельствуютъ о необыкновенно быстромъ развитіи литературной и умственной культуры; наконецъ, свобода печати, сходовъ, сообществъ, для какихъ бы то ни было цѣлей, шире, чѣмъ гдѣ бы то ни было на нашемъ континентѣ, и встрѣчаетъ границы только въ соображеніяхъ о безопасности венгерской націи или государства.

Оборотной стороной медали считалось до сихъ поръ одно смѣшеніе венгерскаго государства съ мадьярской расой и требованіе отъ не-мадьяръ отреченія отъ ихъ особой народности, какъ условія пользованія правами венгерскихъ гражданъ. Но эта сторона, во первыхъ, вовсе не замѣчалась западно-европейцами *) или признавалась ими необходимо сопряженною съ устройствомъ прочнаго конституціоннаго и культурнаго государства; во вторыхъ же, съ нею въ разное время при-

*) Замѣчалась таки: см. Léger, Hist. de l'Autriche и др. (Ред.)

мирялись и многие не-мадьяры, въ надеждѣ воспользоваться политическими правами для сохраненія и развитія собственной національности.

Серьезная критика цѣлой господствующей системы послышалась только въ послѣднее время и именно изъ чисто мадьярской среды. Эта критика имѣетъ для насъ двоякій интересъ: 1, она не ограничивается правительственной системой и государственно-общественнымъ строемъ Венгрии, а распространяется на всю западно-европейскую либерально-капиталистическую эру, и 2, эта критика не останавливается на одномъ отрицаніи, а ищетъ положительныхъ заключеній и уже отчасти приводитъ къ нимъ.

Согласные съ приведеннымъ выше мнѣніемъ знаменитаго гейдельбергскаго профессора политическихъ наукъ о нѣкоторой специальной компетентности венгерцевъ въ практикѣ и теоріи политики вѣроятно не откажутся послѣдовать за нами въ ознакомленіи съ этой стороной новаго оппозиціоннаго движенія въ Венгрии, которая представляетъ обще-европейскій интересъ.

I.

Прежде, однако, чѣмъ приступить къ изложенію взглядовъ самаго выдающагося представителя этого движенія, намъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о довольно странномъ и даже нѣсколько загадочномъ явленіи, о которомъ уже упоминалось на страницахъ «Вольнаго Слова» *).

Съ перемѣщеніемъ «оси большинства» все болѣе и болѣе къ лѣвой сторонѣ, венгерскіе магнаты (перы) теряли соотвѣтственно вліяніе на дѣла и съ половины 70-хъ годовъ очутились совершенно внѣ правительства, перешедшаго въ руки мѣстнаго джентри (низшаго дворянства) и буржуазіи. Не обладающіе значительными матеріальными средствами, утратившіе прежнее вліяніе при дворѣ, равно какъ и обаяніе въ народѣ, магнаты не могли думать объ открытой оппозиціи господствующему направленію; высшая палата продолжала держать засѣданія только для соблюденія конституціонныхъ формъ, столь дорогихъ венгерцамъ, всѣ же сколько нибудь живые и дѣятельные люди перестали посѣщать ее. Молодые магнаты и сыновья магнатовъ стали собираться, сперва даже съ большою тайною, частнымъ образомъ «для обсужденія своихъ хозяйственныхъ дѣлъ и условій на нихъ вліяющихъ». Этотъ «Клубъ экономистовъ» (какъ его называютъ австрійскія газеты, хотя его имя по венгерски значитъ просто «Собраніе сельскихъ хозяевъ») не долго ограничивался чтеніемъ агрономическихъ сочиненій и разсматриваніемъ сообщаемыхъ ему просьбъ объ улучшеніи почвы; онъ сталъ высылать экспедиціи въ разныя страны Европы и Востока, сначала съ цѣлью сравнительнаго изученія методовъ сельскаго хозяйства, потомъ же и для экономическихъ и социально-политическихъ изслѣдованій. Въ этихъ экспедиціяхъ, предпринимаемыхъ болѣею частію на собственный счетъ и только иногда съ нѣкоторой поддержкой отъ зажиточныхъ членовъ клуба, магнаты сопровождался всегда нѣсколькими молодыми специа-

листами, разрабатывающими для нихъ первыя источники и результаты трудовъ которыхъ обобщались потомъ подъ руководствомъ главы экспедиціи. Каждая пзъ нихъ возвращалась съ богатымъ запасомъ матеріаловъ и рядомъ проектовъ примѣненія иноземныхъ улучшеній въ отечествѣ или согласованія ихъ съ существующимъ. Самое замѣчательное — это кажущееся равнодушіе гг. магнатовъ къ популярности: матеріалы и проекты представлялись въ клубъ и тамъ обсуждались; парламентъ, пресса, общество оставались безъ всякаго сообщенія о происходившемъ. О клубѣ и клубистахъ стали ходить анекдоты, на нихъ начали сыпаться насмѣшки; они переносили то и другое, какъ прежде переносили молчаніе. Наконецъ, прошлогодняя экспедиція гр. Гезы Андраши (племянника бывшаго министра) въ Соединенные Штаты обратила на «экономистовъ» всеобщее вниманіе; къ одному изъ ихъ засѣданій былъ приглашенъ не принадлежащій къ клубу Стефанъ Тиса, сынъ министра-президента, и протоколъ этого засѣданія сообщенъ въ газеты. Правительственные органы, прославляя мужество сына вождя своей партіи, защищавшаго либеральныя принципы въ экономической политикѣ (т. е. капиталистическій строй) «въ средѣ ярыхъ приверженцевъ социализма», признаютъ въ то же время, что серьезность и основательность преній клуба сдѣлали бы честь и парламенту. Но слова «сельскихъ хозяевъ» проникли и въ другіе круги: къ нимъ стали обращаться съ прошеніями ремесленники и рабочіе; магнаты не только обсуждаютъ прошенія со вниманіемъ, котораго подававшіе напрасно добивались отъ «народныхъ представителей», но и хлопочутъ объ ихъ удовлетвореніи въ парламентѣ или передъ правительствомъ, депутаты рабочихъ даже приглашаются иногда въ залу засѣданій клуба для обмѣна мыслей и свѣдѣній.

Такимъ образомъ, магнаты, не говоря публичныхъ рѣчей и не имѣя въ своемъ распоряженіи ни одного органа печати, завладѣли въ значительной степени общественнымъ вниманіемъ и создали политическій центръ, значеніе котораго растетъ съ каждымъ днемъ. Они еще не образовали политической партіи, хотя нѣкоторые изъ членовъ клуба, имѣющіе мѣсто въ Нижней палатѣ, и участвуютъ въ «умѣренной оппозиціи» и, какъ гр. Альбертъ Аннони, берутъ на себя лично защиту передъ палатой демократическихъ прошеній. Клубъ, какъ таковой, продолжаетъ свои социально-экономическіе и политическіе этюды и какъ бы не торопится придти къ заключеніямъ и установить программу. Въ настоящее время идетъ рѣчь объ экспедиціи въ Россію, которою вѣроятно завершится рядъ предпринятыхъ клубомъ экспедицій.

Подводя итоги, нельзя не видѣть, что «сельскіе хозяева» проложили себѣ путь къ политическому могуществу, не связавъ себя никакой программой; но будутъ ли они въ состояніи обходиться безъ нея по вступленіи на открытую политическую арену? Я увѣренъ, что это невозможно. Программа уже какъ бы начертана въ стремленіяхъ круговъ и классовъ, приближающихъ къ клубу и возлагающихъ на него свои надежды: клубъ, какъ

партія, долженъ будетъ дѣйствовать въ смыслѣ тѣхъ элементовъ, постепенное группированіе которыхъ около него и составляетъ точнѣе его силы и значенія. Впрочемъ, отношеніе клуба экономистовъ къ современной правительственной системѣ въ Венгрии вообще весьма схоже съ отношеніемъ къ той же системѣ политическаго дѣятеля изъ радикальнаго лагеря, мнѣнія котораго были громко и краснорѣчиво выражены въ десяткахъ большихъ парламентскихъ рѣчей и множествѣ журнальныхъ статей и брошюръ. Дѣло идетъ объ Иванѣ Шимони.

II.

Насколько дѣятельность магнатскаго круга окружена таинственностью и цѣль ея остается загадочнымъ, настолько дѣятельность Шимони вся передъ публикою: представитель пресбургскаго округа въ парламентѣ, издатель «Westungarischer Grenzboten», членъ разныхъ фрейновъ, онъ словомъ и перомъ явно пропагандируетъ свои мнѣнія. Магнаты крайніе приверженцы габсбургскаго дома; Шимони — республиканецъ и сторонникъ совершеннаго отдѣленія Венгрии отъ Австріи. Но, не смотря на всѣ эти различія, ихъ общее социально-политическое направленіе сходится въ борьбѣ противъ либерально-капиталистической эры, и въ произведеніяхъ Шимони можно видѣть указанія и на будущую программу клуба экономистовъ и даже на будущій ходъ начинающагося общественнаго движенія въ Венгріи.

Шимони *) считаетъ побѣду либерализма надъ абсолютизмомъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ, приведшую къ введенію въ большей части европейскихъ государствъ конституціоннаго правленія, чисто отрицательнымъ результатомъ. Единственная польза, доставляемая парламентомъ, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, что тамъ свободно могутъ быть высказаны дѣльные мнѣнія въ случаѣ, если туда попадаютъ серьезные и независимые люди. «Положительной же цѣны вся конституція имѣетъ менѣе, чѣмъ бумага, на которой она напечатана, потому что эта бумага стоитъ по крайней мѣрѣ денегъ, за которыя ее продадутъ въ макулатуру, тогда какъ конституція не представляетъ ровно ничего существеннаго, а только пустой и обманчивый призракъ». — Установившаяся практика парламентаризма приписываетъ преимущественно людямъ малоспособнымъ и безъ твердыхъ убѣжденій, но умѣющимъ примѣняться къ обстоятельствамъ и соблюдать свой личный интересъ, какъ и интересъ партіи, которой они обязаны избраніемъ; для многихъ званіе «народнаго представителя» только ступень для какого нибудь тепленькаго мѣстечка или иной личной выгоды; предварительная положительная программа тутъ можетъ быть только помѣхою.

*) Для желающихъ подробнѣе ознакомиться съ дѣятельностью Шимони и не могущихъ сдѣлать за него въ газетѣ «W. U. Grenzboten» и журналѣ «Magyar Szemle», я могу указать на нѣкоторыя брошюры: «Der Judaismus und die parlamentarische Komödie», Die Täuschungen u. d. notwendigen Reform des Repräsentativsystems. Die Juden u. d. Hohlheit d. modernen Politik u. Verfassung. Pressburg 1883. и на венгерскія: A modern alkotmánytan bírálat (Критика современной конституціонной теоріи 1881.); «Mentsék meg a magyar földbirtokot (О спасеніи національнаго имущества).

*) См. «Новѣйшіе подходы къ социальному вопросу», статья I, въ № 53.

Если вообще трудно давать поручение другому действовать за себя в каком либо определенном деле, то несравненно труднее и серьезнее поручение — радесть об общем благе; и такое поручение избранным народа получает, от множества лиц большое частью ничто не связанным между собою или имѣющихъ противоположные интересы. Правда, что не связанный съ избирателями никакимъ обязательствомъ и имѣющей возможность не исполнять данныхъ имъ обѣщаний, избранный обыкновенно поступаетъ потому, какъ ему вздумается, часто въ противорѣчій съ желаніями имъ представляемыхъ, какъ и съ собственными заявленіями. Но если даже представители и начинаютъ радесть въ парламентѣ о благе народа, то что же можетъ выйти изъ ихъ работы при отсутствіи у нихъ какъ специальныхъ познаній о разсматриваемыхъ вопросахъ, такъ и знанія законовъ развитія человеческого общества вообще? Они похожи на алхимистовъ, производившихъ безконечные опыты и комбинаціи съ тѣлами, элементы которыхъ и взаимное сродство имъ было неизвѣстно; для приверженцевъ теоріи *laissez aller*, отрицающихъ социальные законы, такъ же мало возможно найти правильное рѣшеніе общественныхъ вопросовъ, какъ для алхимистовъ дѣлать золото!

«Солнце свободы», на которое надѣются наши либералы, не въ состояніи ничего сдѣлать само по себѣ для обсужденія народнаго блага. «Плодотворные результаты могутъ выйти только изъ социальной политики въ широкомъ смыслѣ». Первый въ Венгріи, Шимони имѣлъ смѣлость назваться социалистомъ, когда это имя еще служило страшлищемъ*); нѣмѣ его присвоиваютъ себѣ магнаты и гордятся имъ. Правда, они стараются какъ нибудь отгнѣнить свой социализмъ, называясь то «консервативными социалистами», то «христіанскими», «католическими», «социосоциалистами» и т. д. Шимони называетъ себя социалистомъ *sans phrases* и опредѣляетъ социализмъ какъ, «знаніе законовъ, управляющихъ жизнью человеческого общества и стремленіе преобразовать государство на началахъ разума и справедливости». Безъ знанія социальной науки, социологіи, политикѣ всегда остается безсильною формальностью.

Отвѣтственность министровъ передъ парламентомъ считается наладіумомъ политической свободы, но, не говоря уже о томъ, что самъ парламентъ не отвѣтственъ передъ народомъ, какъ часто случается, что сильное правительство, опирающееся на виѣнпарламентскіе факторы, само создаетъ свое парламентское большинство, которое потомъ легализируетъ все, даже противозаконныя дѣйствія правительства! Изъ дѣйствительныхъ факторовъ могущества, стоящихъ виѣ парламента и о которыхъ ничего не сказано въ конституціи, два главные были унаследованы либеральнымъ режимомъ отъ абсолютистическа-

го: постоянное войско и движимый капиталъ.

Войско было главной опорой абсолютной монархіи и только съ сожалѣніемъ отказалось отъ роли, которую оно тогда играло въ государствѣ; но новѣйшее развитіе военного искусства и современное состояніе международныхъ отношеній сдѣлали значеніе арміи именно въ либерально-конституціонной эрѣ еще болѣе важнымъ, нежели оно было при абсолютизмѣ. Армія же повсюду предава династіи или способна сдѣлаться орудіемъ честолюбцевъ.

Капиталъ, могущество котораго было результатомъ экономическаго индивидуализма еще во время абсолютныхъ монархій, достигъ съ помощью политическаго и общественнаго индивидуализма либеральной эпохи, рѣшительнаго преобладанія надъ всеми другими элементами, — можно сказать, господства. Къ капиталу стремится изъ всехъ классовъ общества путемъ спекуляціи, а онъ дѣйствуетъ на общество и господствуетъ посредствомъ корруціи.

Такимъ образомъ, либерально-конституціонный режимъ не принесъ населенію облегченія отъ жертвъ на войско, а напротивъ отягчилъ и распространилъ ихъ, еще болѣе взросилъ и взлелѣлъ милитаризмъ. Такимъ образомъ, все либеральныя учрежденія, парламентъ и отвѣтственное министерство, а вмѣстѣ съ ними и общественныя силы, прессы и общественное мнѣніе сдѣлались слугами капитала, каріатидами въ зданіи капитализма; «единственное направленіе, въ которомъ все парламенты міра выказываютъ послѣдовательность и неутомимость, это — въ дѣланіи государственныхъ долговъ и въ изобрѣтеніи новыхъ родовъ налоговъ».

«Если наше общество не выйдетъ скоро изъ его настоящаго атомизированнаго состоянія» — спрашиваетъ нашъ авторъ — «то къ чему придетъ мы, къ реакціи или къ революціи? Это даже почти все равно, потому что та и другая будутъ опираться преимущественно на грубую силу и дѣйствовать губительно для культуры. Или же мы погрязнемъ въ византійскомъ маразмѣ, который продлитъ наше существованіе, но только какъ страдательное прозябаніе, изъ котораго даже смерть будетъ счастливымъ исходомъ»...

Темны краски, которыми Шимони рисуетъ состояніе либерально-капиталистическаго общества, и намъ, русскимъ, знакомы по опыту съ еще худшимъ положеніемъ, какъ-то: онѣ преувеличенны; такъ, напр., конституціонный режимъ, гдѣ онъ серьезно вошелъ въ жизнь (все равно — республика или монархія) лучше охраняетъ личную свободу и самостоятельность, чѣмъ какая либо другая извѣстная намъ форма устройства и стремленіе къ приобрѣтенію или сохраненію этихъ благъ совершенно законное.

Посмотримъ, впрочемъ, какъ нашъ авторъ понимаетъ социальные законы и какое средство почерпаетъ онъ въ нихъ противъ золь, имъ такъ глубоко чувствуемыхъ и такъ сильно изображаемыхъ.

III.

Не смотря на рѣшительное осужденіе либерально-капиталистическаго строя и на провозглашеніе социализма необходимою, было бы ошибочно считать Шимони радикаломъ

или анархистомъ; напротивъ, этотъ социалистъ, болѣе, нежели кто либо, сторонникъ стараго порядка и твердой организаціи. Въ этомъ отношеніи, сравнивая съ настоящимъ обществомъ античное и средневѣковое, онъ даже отдаетъ предпочтеніе этимъ послѣднимъ. Онъ говоритъ: «тогдашнее общество составляло крѣпкій организмъ, все части котораго были тѣсно связаны между собою и который соответствовалъ потребностямъ и степени развитія общества. Каждый классъ, каждая группа общества имѣли определенное политическое положеніе и определенное экономическое значеніе. Политика, религія, промышленность — все шло въ ясно обозначенной колѣѣ. Конечно, такая организація имѣла большіе недостатки. Прогрессъ былъ чрезвычайно медленнымъ; общество не знало равенства. Зато отдѣльныя сословія, цехи, корпораціи имѣли дѣйствительную силу, знали свои права, боролись за нихъ, были сильнѣе противъ наспія власти, чѣмъ современное общество. Была нѣкоторая солидарность, основанная на общемъ интересѣ между господиномъ и рабомъ, помѣщикомъ и крестьяниномъ, мастеремъ и подмастеріемъ. По разрушеніи этого организма остались одни атомы, не создано было новаго; господиномъ сдѣлался бездушный капиталъ, а человѣкъ — родомъ машины, служащей капиталу, и, подобно товару, получающей ту или другую цѣнность, смотря по спросу и предложенію и согласно случайностямъ биржи».

— «Мнѣ скажутъ на это: преобразование сословнаго общественнаго строя, проведеніе въ жизнь начала равенства, представительное правленіе со всемъ, что съ нимъ соединяется, какъ свобода вѣры и мысли, произошло въ интересѣ свободы и культуры; неужели ты все это хочешь отгнѣнить?»

«Я отвѣчу: приобрѣтенія новаго времени были великимъ дѣломъ, стоили тяжелой борьбы и большихъ жертвъ. Дѣло должно было быть совершено. Но оно было только дѣломъ негативнымъ. Главная наша ошибка — забывать, что сдѣлана только половина всей работы, что созданное положеніе — только переходное, что мы находимся въ кризисѣ. Не возобновленія прежнихъ, навсегда погибшихъ организмовъ слѣдуетъ добиваться намъ, а созданія новаго, соответствующаго потребностямъ и степени развитія современнаго общества».

— «Новый общественный организмъ долженъ быть построенъ на фундаментѣ великихъ приобрѣтеній новѣйшаго времени, на фундаментѣ свободы и равенства, и посредствомъ единственнаго фактора, который можетъ ввести эти принципы въ плоть и кровь общества, посредствомъ ассоціаціи».

— «Эта ассоціація не должна быть обязательною и неподвижною, какъ прежнія касты или сословія, а напротивъ свободною, зависящей отъ личнаго выбора, но она не должна походить и на наши современные ферейны и ассоціаціи, или даже партіи, которыя въ сущности только злая пропія на принципъ ассоціаціи. Для того, чтобы принципъ этотъ получалъ практическое примѣне-

* Первенство это остается за Шимони только въ извѣстномъ классѣ — «людей съ положеніемъ», такъ какъ между рабочими и литераторами въ Венгріи социалисты были давно. Социалист. публикація на венгерскомъ языкѣ были еще въ 60-е годы, а съ 1873 существуютъ въ Пештѣ непрерывно соц. газеты на нем. и венг. языкахъ (*Die Arb. Wochen-Chronik*, *Nepzawa* и друг.), собираются соц. конгрессы и т. п. (Ред.)

ние, необходима готовность стоять одинъ за другаго и добровольно налагать на себя ограничения или приносить жертвы въ интересъ цѣлаго».

«Мое предложеніе *) состоитъ въ слѣдующемъ: Пусть граждане страны соединятся и сгруппируются между собою по роду своихъ занятій, такъ—чтобы рабочіе, земледѣльцы, ремесленники и купцы, учителя и духовные образовали особыя категоріи (конечно, согласно одному ключу, о которомъ я теперь говорить не стану). Эти группы должны выбрать своихъ представителей, изъ которыхъ и составятся: общинный, муниципальный и, наконецъ, Земскій Совѣтъ или парламентъ».

Выгоды такого представительства Шимони видитъ особенно въ томъ, что частный интересъ и общее благо будутъ находиться въ органической связи; граждане перестанутъ смотрѣть на государство, какъ на учрежденіе, которое ихъ не защищаетъ и не оберегаетъ, а только затрудняетъ имъ зарабатывать ихъ жизнь. Тогда сдѣлаются невозможными, говоритъ авторъ, фантастическія предприятия, подобныя французской экспедиціи въ Мексику или австрійской въ Россію. Практическіе специалисты, которые будутъ засѣдать въ парламентахъ, будутъ работать, и работать съ знаніемъ дѣла, равно какъ и съ отвѣтственностью передъ избравшими ихъ ассоціаціями; полезные и трудящіеся классы, нынѣ вовсе не представляемые въ парламентахъ, увидятъ свои интересы защищаемыми членами своей среды, а не адвокатами и журналистами. Исторія показываетъ, что нѣтъ на свѣтѣ лучшаго средства обезпечить процвѣтаніе общественныхъ учрежденій, какъ сознаніе людей, что, защищая эти учрежденія, они защищаютъ свои собственные, жизненные интересы.

IV.

Въ проектѣ Шимони многое остается незаконченнымъ, недосказаннымъ, а потому неудовлетворительнымъ; онъ хорошо понимаетъ это самъ и даже, какъ мы видѣли, заявляетъ объ имѣніи у него ключа, о которомъ однако онъ еще не хочетъ говорить. Это обыкновенная тактика венгерскихъ политиковъ: послѣ критики того, что они желали бы отмѣнить, они высказываютъ только одну главную или даже ближайшую мысль своего проекта: эта мысль подвергается обсужденію публики и нападеніямъ противныхъ партій; только нѣкоторое время спустя, авторъ проекта выступаетъ вновь съ другими мыслями и планами, пользуясь замѣчаніями, высказанными въ промежуткѣ и опираясь уже на сочувствіе публики. Не можетъ быть сомнѣнія, — и мы говоримъ это, не только на основаніи умозаключеній, но и послѣдствіе положительныхъ личныхъ свѣдѣній, — что Шимони идетъ по пути организаціи общества ассоціаціей группъ труда гораздо далѣе его первой идеи, которая даже можетъ, по примѣненію къ ней ключа, показаться въ иномъ видѣ...

Впрочемъ, Шимони не отвергаетъ и ближайшихъ, предлагаемыхъ другими реформъ. Онъ высказывается рѣшительно за введеніе

*) Рѣчь Шимони въ будапештскомъ парламентѣ 7 февраля 1882 г. переведена авторомъ съ венгерскаго.

поголовной подачи голосовъ съ тайнымъ голосованіемъ, но подъ непримѣннымъ условіемъ, чтобы подача голосовъ производилась не въ центрѣ округа, а въ каждой общинѣ; голосованіе по общинамъ, говоритъ онъ, отчасти осуществляетъ принципъ, къ которому я стремлюсь, избраніе посредствомъ однородныхъ элементовъ. Одна эта реформа въ современной Венгріи была бы совершеннымъ переворотомъ, такъ какъ тогда было бы немислимо, чтобы — какъ это существуетъ нынѣ — за исключеніемъ полдюжины депутатовъ, всѣ остальные были мадьяры: составляющие меньшинство въ странѣ, они явились бы меньшинствомъ и въ палатѣ.

Еще въ одномъ вопросѣ стоитъ Шимони заодно съ умѣренными реформаторами, это въ вопросѣ о «минимумѣ поземельнаго владѣнія» (Besitzminimum), который желаютъ обезпечить за землевладѣльцемъ, такъ чтобы этотъ минимумъ не могъ быть предметомъ залога или экзекуціи; къ нему причисляютъ, кромѣ извѣстнаго количества іоховъ, скотъ и земледѣльческія орудія, необходимыя для воздѣлыванія земли. Шимони возводитъ въ принципъ, что «естественный характеръ земли это ея необремененность долгами» (der natürliche Character des Grundes und Bodens ist seine Unverschuldbarkeit). Для такого требованія въ Венгріи существуетъ даже юридическая почва. «Авигицитетъ» былъ древнимъ національно-венгерскимъ учрежденіемъ; имѣніе, какъ дворянское, такъ и крестьянское, принадлежало не личности, а семейству, которое поэтому не могло его лишиться за долги одного человѣка. Шимони блистательно доказываетъ, что ст. XV основныхъ законовъ 1848 г. высказываетъ только въ принципѣ отмѣненіе авигицитета, который существовалъ вплоть до 1852 г., когда онъ былъ уничтоженъ абсолютистическимъ правительствомъ, въ глазахъ венгерцевъ незаконнымъ.

Я считаю чрезвычайно важнымъ и желаю бы привлечь на это полное вниманіе читателей, — что старо-венгерское право было во многомъ близко къ славянскому народному, подъ вліяніемъ котораго оно и образовалось. Либеральное движеніе начала 40-хъ годовъ, приведшее послѣ къ революціи, находилось совершенно подъ вліяніемъ абстрактныхъ теорій Запада и было столько же направлено противъ старо-венгерскаго, какъ и противъ славянскаго права. Потому то реакція абсолютизма, происшедшая послѣ революціи, не только сохранила, но и дополнила гражданскія реформы 1848 г., которыя были проникнуты духомъ Запада. Особенно тяжело это отзывалось на югославянскихъ народныхъ учрежденіяхъ: сербско-хорватская задруга подверглась положительному гоненію. Въ 1867 году были восстановлены государственные законы 1848 г., гарантирующіе свободу и самоуправленіе, но оставлены гражданскіе законы, введенные реакціей. Даже болѣе либеральная партія, управляющая Венгріей съ середины 70-хъ годовъ проявила удивительное рвеніе къ римскому праву, примѣненію его повсюду вопреки народнымъ понятіямъ и желаніямъ, и она нашла себѣ подражателя въ автономномъ хорватскомъ пра-

вительствѣ; послѣднее съ 1873 г. употребляетъ всѣ старанія, чтобы подорвать и разрушить народную задругу и семейно-общинное право съ нею соединенныя. Проф. Богшичъ, хорватъ родомъ, называетъ это стремленіе самымъ безумнымъ и гибельнымъ, которое когда либо проявлялось въ дѣятельности законодателей.

Новое социально-политическое движеніе въ Венгріи составляетъ въ извѣстномъ смыслѣ реакцію противъ всей законодательной и правительственной системы съ 1840 г. до настоящаго времени; эта система, которая считалась по преимуществу національной мадьярской, оказывается въ сущности совершенно ненаціональною, а западно-европейскою или даже германскою.

Венгрія стоитъ на перепутьи: господствующая либеральная партія, стремящаяся развить и упрочить въ ней либерально-капиталистическій строй, тянетъ ее къ Западной Европѣ въ социальномъ отношеніи, такъ же какъ она въ политическомъ приковываетъ свое отечество къ Германіи; оппозиція и особенно новая социально-политическая оппозиція, главнымъ представителемъ которой мы считаемъ Шимони, ища въ народномъ общинномъ правѣ, общемъ во многихъ отношеніяхъ мадьярамъ со славянами, опоры для своихъ реформаторскихъ плановъ, сближаетъ Венгрію со славянскими народами, съ Востокомъ Европы*).

Быстрѣйшее и успѣшнѣйшее развитіе новаго истинно народнаго направленія въ Венгріи тѣмъ желательнѣе съ нашей русско-славянской точки зрѣнія, что не только хорватское правительство, зависящее отъ венгерскаго, и босно-герцеговинское, находящееся въ рукахъ венгровъ, но и правительство «свободной» Сербіи и даже Черногоріи и Болгаріи дѣйствуютъ непрерывно въ томъ же западно-европейскомъ, противонародномъ

*) Мы позволимъ себѣ замѣтить, что перенесеніе обсужденія социально-политическихъ вопросовъ на національную почву теперь приводитъ больше къ затемненію этихъ вопросовъ, чѣмъ къ выясненію. Наука о національностяхъ (не о правахъ ихъ, а о свойствахъ) еще такъ мало разработана, что еще почти невозможно сказать, что же такое составляетъ нравственные или политическія особенности разныхъ національностей. Что касается до полит. учреждений, каковы, напр., задруга, община, — феодализмъ, капитализмъ и т. п., — то эти учрежденія не національныя, а общія. На Западѣ существованіе совершенно аналогичныхъ съ славянскими задружно-общинныхъ учреждений и общинъ еще въ недавнее время и даже теперь открыто наукой (назовемъ хоть труды объ этомъ русскихъ ученыхъ: М. Копалевскаго, Карьева, Забѣра, Луицкаго). Конечно, тамъ она больше успѣла давленіемъ централистическо-государственнаго элемента, феодальному аристократизму и капитализму, — но тотъ же процессъ начался и въ славянскихъ земляхъ раньше, чѣмъ они подпали подъ вліяніе Запада. Развѣ, напр., монастыри и монастырскій помѣстный феодализмъ и приказная бюрократія не стали подрывать артельной и волостной общинности въ сѣверныхъ краяхъ Россіи задолго до петербургскаго періода? А, съ другой стороны, развѣ на Западѣ мы не видимъ движеній не только къ изслѣдованію, но и къ приспособленію къ новымъ условіямъ остатковъ старинныхъ задружно-общинныхъ отношеній и развѣ во многихъ пунктахъ это западное движеніе не опережаетъ восточное? Имѣя въ то же время гораздо меньше націоналистическаго мистицизма, который было пропалано у прежнихъ галло-филовъ и германофиловъ совершенно также, какъ онъ теперь проявляется у славянофиловъ. (Ред.)

и православянскомъ духѣ, какъ и нынѣшнее венгерское правительство.

Slavus.

ПИСЬМА О ПОЛИТИКО-СОЦИАЛЬНЫХЪ ПАРТІЯХЪ ВО ФРАНЦІИ.

VIII.

Союзы рабочихъ и социалистическія франціи.

(Продолженіе).

Въ предыдущихъ письмахъ мы рассмотрѣли (насколько намъ позволилъ объемъ газетной статьи) рабочее движеніе Франціи съ конца прошлаго столѣтія до 1872 г. включительно.

Мы видѣли, что ни репрессивные законы революціоннаго Конвента, ни строгія мѣры монарховъ Франціи не остановили движенія рабочихъ массъ во Франціи, развивающагося подъ напоромъ политико-экономическихъ условій жизни страны.

Мы видѣли также, какъ совершался въ этотъ періодъ времени процессъ интеллектуальнаго развитія рабочихъ Франціи. Какъ правительственныя записки у рабочихъ, направленные съ цѣлью своротить рабочее движеніе съ его пути, такъ и стремленія дѣйствительныхъ друзей народа, снѣгающихся направить его на путь дѣйствія для рабочихъ еще непонятный и подчасъ дѣйствительно несомѣстимый ни съ условіями страны, ни времени — не достигли желанныхъ результатовъ. Рабочая масса шла шагъ за шагомъ за явленіями и событіями окружающей реальной жизни.

Разрозненные рабочіе, ощутивъ полное свое безсиліе въ индивидуальной борьбѣ за существованіе, сознають необходимость группироваться для взаимной помощи. Сгруппированные въ извѣстной мѣстности, рабочіе извѣстной специальности прибѣгаютъ для улучшенія своего экономическаго положенія, къ первому, элементарному, давно имъ извѣстному средству, стачкѣ. Но уже этотъ способъ борьбы наталкиваетъ рабочихъ на сознаніе, что для болѣе успѣшнаго хода ея солидарность должна скрѣпить товарищей по ремеслу и другимъ мѣстностей. Результатомъ подобнаго сознанія является идея о федераціи рабочихъ даннаго ремесла различныхъ мѣстностей.

Выгоды такой организаціи рабочихъ сильны и неудачи, постигавшія ихъ въ борьбѣ съ капиталистами, дружно и систематически направляющихъ свои дѣйствія противъ рабочихъ всей Франціи, наводятъ послѣднихъ на сознаніе общности интересовъ рабочаго класса всей страны. Чувство солидарности оставляетъ свои тѣсныя ремесленные рамки и, такимъ образомъ, вырабатывается идея о федераціи рабочихъ обществъ всѣхъ ремеселъ, главная цѣль которыхъ покуда не идетъ далѣе взаимнаго вспомоществованія.

Съ успѣхами дальнѣйшей борьбы и сознаніемъ силоченной силы, является желаніе не улучшить, а измѣнить свое положеніе. Въ умахъ рабочихъ отрицаніе пролетариата, какъ общественной аномаліи, вырабатывается въ положительную идею о кооперации.

При опытахъ осуществленія своихъ стрем-

леній рабочіе наталкиваются на необходимость добиваться свободы слова, сходакъ и товариществъ. Они дѣятельно вымѣниваются въ политическую агитацію страны и не пропускаютъ случая заявлять свои политическія требованія. Столкновение съ монархической властью изъ-за вопроса о политической свободѣ развивается у рабочихъ убѣжденіе о необходимости учрежденія республиканскаго правленія.

Пронски монархическихъ партій, диктатура республиканской центральной власти, злоупотребленія и бѣды, порожденные централистической организаціей унаследованнаго режима, зарождаютъ въ народныхъ массахъ мысль постронть политическій строй Франціи на новыхъ основаніяхъ, — и Парижъ первый провозглашаетъ республику, основанную на федераціи свободныхъ общинъ (коммунъ).

Вотъ ходъ процесса развитія рабочихъ массъ Франціи въ рассмотрѣнное нами время, совершившійся подъ вліяніемъ реальныхъ условій жизни.

Конечно, социально-политическія ученія и теоріи, возникавшія въ цивилизованныхъ обществахъ параллельно съ развитіемъ и постановкой грозныхъ экономическихъ вопросовъ и организаціей рабочихъ массъ, не могли остаться безъ вліянія на послѣднія. Выдающіяся личности изъ нихъ были увлечены въ коловоротъ умственной жизни своего времени. С. Симонъ, Кабэ находили себѣ горячихъ поклонниковъ и среди рабочихъ. Вліяніе Фурье несомѣнно въ выработкѣ и среди массъ идея кооперации, а Прудонъ оказалъ огромное вліяніе на развитіе и распространеніе идеи федерализма.

Ни одна социально-политическая партія не прошла незамѣченной рабочимъ классомъ, каждая изъ нихъ насчитываетъ сотни послѣдователей. Но въ общемъ рабочее движеніе — организація и направленіе рабочихъ массъ — не могло направиться по пути, начертанному той или другой школой, а направилось по диалогали силъ, обусловленной историческими условіями страны и политико-соціальными задачами минутъ.

Что же касается до внутренней организаціи рабочихъ обществъ, то устройство ея вполне сообразно съ насущными потребностями и вновь формирующимися партіями рабочихъ. Кромѣ обществъ кредитныхъ и кооперативныхъ, рабочіе группируются — и гораздо чаще — въ такъ называемыя синдикаты. Вотъ нѣкоторые выдержки изъ печатнаго устава одного изъ такихъ синдикатовъ — сѣдельщиковъ въ Парижѣ, составленномъ въ 1877 г.:

«Вступленіе. Синдик. Камера рабочихъ сѣдельщиковъ въ Парижѣ объявляетъ, что всякій рабочий, изъ какой бы то ни было страны, можетъ быть принятъ въ С. Камеру, такъ какъ солидарность рабочихъ должна быть всемірна. Цѣль Синд. Кам. состоитъ: установить постоянныя сношенія между рабочими нашего ремесла, научить ихъ знать другъ друга, цѣнить себя и приготовить ихъ такимъ образомъ къ практикѣ солидарности нравственной и матеріальной; изучать способы установленія взаимнаго застрахованія противъ остановки работы, болѣзни, — организо-

вывать кооперативныя общества производства и кредита, — и, однимъ словомъ, улучшить все, что касается интересовъ рабочаго; — заняться организаціей комиссій смѣшанной, на половину изъ рабочихъ, на половину изъ патроновъ, для обсужденія вопросовъ рабочей платы, порядка и здороваго содержанія мастерскихъ, экспертизы труда и всего, что производитъ разногласія между патронами и рабочими; изучать дѣло практическаго ремесленнаго образованія, изучать серьезно вопросъ о подмастерьяхъ въ этомъ отношеніи. Совѣтъ (Камеры) будетъ давать всякія свѣдѣнія, которыя заинтересованныя лица спросятъ у него. Наконецъ, совѣтъ или специальная коммиссія займется изученіемъ законовъ, которые касаются рабочихъ, съ тѣмъ, чтобы довести до свѣдѣнія о нихъ заинтересованныхъ».

По § 2-му, всякій представленный членомъ, или предъявленный документъ, доказывающій, что онъ, рабочий сѣдельщикъ, — принимается въ общество.

По § 19-му члены вносятъ ежемѣсячно въ кассу 50 с.

По § 4-му, дѣла общества ведетъ Совѣтъ, составленный изъ 18 членовъ, выбранныхъ общимъ собраніемъ на годъ, съ перемѣною половины членовъ по полугодіямъ. Совѣтъ собирается два раза въ мѣсяцъ въ очередныя собранія, — по бюро для справокъ открыто два раза въ недѣлю, — и въ немъ сидятъ синдикаты по очереди.

По § 16-му Совѣтъ представляетъ члена, по его желанію, передъ прюдомами (le conseil de prud'hommes*) или передъ другою юрисдикціей по вопросамъ труда.

§ 18 опредѣляетъ устройство библиотекъ и курсовъ, § 22 — кооперативныхъ предпріятій, если касса возрастаетъ и т. д. и т. д.

По такому типу, съ большими или меньшими варьяціями, организованы и другіе синдикаты, — всѣ въ противоположность законамъ, но въ силу обычая. Надо сказать, впрочемъ, что рабочіе синдикаты организовываются отчасти по примѣру синдикатовъ патронскихъ, которыхъ существованіе тоже противузаконно, но которые вызываются къ жизни самими потребностями промышленности и которыми тѣмъ не менѣе должны быть терпимы правительствомъ**).

Послѣ подавленія парижскаго коммунальнаго движенія, какъ мы уже упоминали выше, реорганизація рабочихъ синдикатовъ, разстроенныхъ во время Франко-прусской войны, пошла съ большимъ успѣхомъ.

Версальское правительство хмурилось, разбрасывало по пути синдикальнаго движенія кой какіе камешки, но тѣмъ не менѣе всѣ его маневры не достигли желанныхъ результатовъ.

*) Conseil de prud'hommes — родъ посредническихъ фабричныхъ мировыхъ судей и инспекторовъ изъ патроновъ и рабочихъ, — съ довольно сложною системою избирательства и не совсѣмъ ясно опредѣленными функциями, особенно относительно инспекціи. — существуетъ съ 1806 г. въ разныхъ городахъ Франціи, не во всѣхъ, впрочемъ.

***) Патронскіе синдикаты Парижа и отчасти всей Франціи объединены въ двѣ могущественныя группы: Union nationale и gr. Ste Chapelle (по мѣсту своей конторы). Въ Парижѣ и въ другихъ мѣстахъ были и есть опыты и смѣшанныхъ, — патронско-рабочническихъ, — синдикатовъ. Важнѣйшій изъ нихъ — синд. бумажной промышленности, осн. въ 1874 г.: онъ, между прочимъ, установилъ въ 1877 г. 10 час. раб. день въ бум. пром.

татовъ. Рабочіе синдикаты росли, можно сказать, какъ грибы *).

Въ 1873 году синдикальные камеры поднимали уже вопросъ о выборѣ своихъ делегатовъ и отправки послѣднихъ на вѣнскую выставку **). Остановка была за деньгами. Правительство, помня, что изъ поѣздки рабочихъ на выставку въ Лондонъ, вышелъ Интернаціональ, отнеслось къ желанію рабочихъ неодобрительно. Депутатъ Толэнъ 27 марта 1873 г. внесъ въ Національное Собраніе предложеніе выдать изъ государственной казны рабочимъ синдикатамъ 100.000 фр. для отправки делегатовъ на всемірную выставку. Національное Собраніе забаллотировало это предложеніе. Но парижская городская дума, въ которой довольно сильна была радикальная партія, — назначила съ этой цѣлью рабочимъ 20.000 фр. Центральная палата, конечно, наложила «veto» на рѣшеніе парижскаго муниципалитета. Тогда радикальные газеты открыли подписку для сбора пособій рабочимъ на поѣздку ихъ делегаціи въ Вѣну. По этому поводу газета «Coursaire», для примѣра, была прекращена правительствомъ. Рабочимъ синдикатамъ, въ концѣ концовъ, удалось все таки собрать 71,700 фр.; на эти деньги были отправлены 100 рабочихъ изъ Парижа, 55 изъ Ліона, нѣсколько рабочихъ изъ Марсеа, Нанси, Ангулема и другихъ городовъ.

Эта стычка съ правительствомъ, окончившаяся удачно для рабочихъ, ободрила послѣднихъ на столько, что въ 1875 году была выбрана 60 синдикатами коммиссія для разсмотрѣнія вопроса о посылкѣ делегатовъ на выставку въ Филадельфію.

Эта «Commission du travail» вступила въ переговоры съ парижскимъ муниципалитетомъ и съ нѣкоторыми депутатами. Муниципалитетъ Парижа, по предложенію Клемансо, назначилъ для данной цѣли 30,000 фр.; но и на этотъ разъ центральная власть касперовала рѣшеніе парижской думы. Тогда, въ маѣ 1876 года, депутаты Бародэ, Надо и другіе предложили Палатѣ выдать рабочимъ

100.000 фр. изъ государственной кассы. Палата на этотъ разъ сочла нужнымъ задобрить рабочихъ и приняла предложеніе, но, впрочемъ, подъ условіемъ, чтобы делегаты рабочихъ были выбраны не синдикатами ихъ, а министромъ торговли. По поводу подобнаго рѣшенія Палаты состоялось собраніе представителей отъ 46 рабочихъ синдикатовъ, на которомъ 45 синдикатовъ рѣшили не принимать пособія, назначеннаго Палатой съ такими условіями. Вслѣдствіе этого число делегатовъ было значительно уменьшено. Однако все же на средства рабочихъ было отправлено въ Америку 30 человекъ, да нѣсколько человекъ послано было самымъ незначительнымъ числомъ синдикатовъ, согласившихся принять деньги отъ правительства подъ вышеупомянутымъ условіемъ.

Эти посылки делегатовъ на вѣнскую и филадельфійскую выставки остались не безъ послѣдствій для рабочаго движенія во Франціи. Во первыхъ, выказанная при этомъ настойчивость и сила рабочихъ заставила реакціонное правительство Макъ-Магона отнестись по крайней мѣрѣ терпимо къ организаціи рабочихъ синдикатовъ. Во вторыхъ, посылка делегатовъ дала поводъ рабочимъ синдикатамъ собираться, толковать о своихъ общихъ интересахъ, однимъ словомъ, «ils sentirent leurs coudes», какъ выражаются сами французы.

Результатомъ этого сближенія была мысль о созывѣ представителей всей рабочей Франціи для обсужденія вопросовъ, близко касающихся положенія рабочаго. Съ этой цѣлью на многочисленномъ рабочемъ собраніи въ Парижѣ была выбрана временная коммиссія инициативы, которая и составила воззваніе ко всемъ синдикатамъ и рабочимъ обществамъ Франціи, предлагая имъ выбрать и послать делегатовъ на рабочій конгрессъ въ Парижъ.

2 октября 1876 года засѣданія конгресса открылись и продолжались до 10-го числа. На конгрессѣ собралось 255 делегатовъ изъ Парижа и 105 делегатовъ отъ 27 городовъ Франціи. Делегаты Парижа представляли 70 рабочихъ синдикатовъ, одно рабочее общество подъ названіемъ «Caisse de chômage», общество рабочихъ «Société de prévoyance et de solidarité». Кроме того, здѣсь были делегаты отъ шести рабочихъ обществъ взаимнаго вспоможенія, пяти производительныхъ ассоціацій, десяти потребительныхъ рабочихъ обществъ, общества рабочихъ позитивистовъ и 4 другихъ рабочихъ обществъ. Делегаты отъ департаментовъ представляли по преимуществу ремесленные рабочіе синдикаты.

Изъ этого мы видимъ, что на первомъ конгрессѣ преобладающимъ элементомъ были рабочіе синдикаты. Всѣ вопросы, обсуждавшиеся на конгрессѣ, и требованія, заявляемые делегатами, не выходили изъ круга ближайшихъ практическихъ вопросовъ рабочаго класса Франціи. Но при этомъ нельзя не замѣтить, что рабочіе не смотрѣли на эти практическія требованія, какъ на панацею, разрѣшающую социальный вопросъ. Они ставили неотложные, практическіе вопросы на очередь, какъ средство, ведущее къ разрѣшенію великаго социального вопроса. Это проскальзываетъ почти во всѣхъ рѣчахъ и

докладахъ конгресса. При обсужденіи вопроса о пріюдахъ, делегатъ Vernet заявляетъ слѣдующее: «Время, когда рабочій бѣдетъ владѣтелемъ капитала, необходимаго ему для производства и для приложенія его труда, къ несчастію, болѣе отдаленно, чѣмъ бы это намъ хотѣлось. Необходимо, чтобы въ продолженіе текущаго переходнаго времени отношенія между капиталомъ и работой регулировались посредничествомъ пріюдовъ, которые бы предупреждали столкновенія между капиталистами и рабочими. Я не скажу, чтобы вопросъ о пріюдахъ разрѣшалъ социальный вопросъ, но во всякомъ случаѣ учрежденіе ихъ чрезвычайно важно для рабочихъ. Экономическая эмансипація рабочихъ — это великая цѣль, къ которой мы должны стремиться, но достигнуть ее мы можемъ только подъ однимъ условіемъ, а именно: оградить себя отъ ударовъ, существующихъ трудностей и препятствій, дабы мы не затерялись среди нихъ. И тогда, двигаясь впередъ, мы достигнемъ желаннаго. т. е., чтобы рабочій получалъ и пользовался всецѣлымъ (интегральнымъ) продуктомъ своего труда, а производство выполнялось бы кооперативнымъ трудомъ рабочихъ ассоціацій».

Конгрессъ по вопросу о пріюдахъ постановилъ: 1, чтобы совѣты пріюдовъ были составлены изъ равнаго числа представителей отъ рабочихъ и патроновъ, 2, чтобы этимъ совѣтамъ было поручено непосредственное наблюденіе за выполненіемъ правилъ и законоположеній, касающихся работъ на фабрикахъ, мастерскихъ и въ рудопромышленныхъ шахтахъ. Ихъ контролю подлежали также акціонерныя компаніи, эксплуатирующія трудъ рабочаго, — такъ, напримѣръ: компанія желѣзныхъ дорогъ, омнибусовъ и т. д. Наконецъ, въ 3, чтобы совѣты пріюдовъ были учреждены, по крайней мѣрѣ, по одному въ каждомъ округѣ.

Въ вопросѣ о женщинахъ-работницахъ конгрессъ высказалъ слѣдующія требованія: 1, о 8-ми-часовомъ рабочемъ днѣ для женщинъ, 2, о запрещеніи ночной работы, 3, о пересмотрѣ законовъ касательно дѣтской работы и 4, объ устройствѣ мастерскихъ для конкуренціи съ монастерями, которые производятъ работу по самымъ низкимъ цѣнамъ.

Коммиссія, назначенная для разработкіи вопроса о рабочихъ синдикатахъ постановила: требовать отмены всѣхъ законовъ стѣсняющихъ учрежденіе ассоціацій. Это постановленіе было единодушно одобрено конгрессомъ. По поводу вопроса о народномъ образованіи, конгрессъ высказалъ желанія: во первыхъ, чтобы законы, стѣсняющіе свободу мысли, были отменены; во вторыхъ, первоначальное образованіе должно быть свѣтскимъ, обязательнымъ и даровымъ; въ 3, чтобы при каждой школѣ были устроены ремесленные мастерскія, въ которыхъ учащіеся могли бы получать профессиональное образованіе. По вопросу о непосредственномъ представительствѣ рабочихъ въ парламентѣ конгрессъ заявилъ слѣдующее: «Принимая во вниманіе наше желаніе осуществить всѣ вопросы, разсмотрѣнные конгрессомъ, необходимо заставить государственную власть не заниматься нашими дѣлами, а уничтожить тѣ пренія, которыми загромажены наши пути и дагъ, такимъ образомъ, намъ полити-

*) Этотъ ростъ объясняется въ значительной степени движеніемъ среди рабочихъ, въ предшествующіе годы, въ которомъ большая доля должна быть признана и за Интернаціоналомъ и коммунистическимъ движеніемъ. Интернаціональ, конечно, былъ явленіемъ преждевременнымъ, — ибо ему не предшествовала сильная организація мѣстныхъ и національных рабочихъ партій; тѣ изъ интернаціоналистовъ, которые, вмѣсто пропаганды, хотѣли немедленнаго дѣйствія, да еще революціоннаго, выказали, конечно, въ ошибки, правильно указанныя авторомъ. — Коммунистическое возстаніе 1871 года въ Парижѣ было ошибкою уже потому, что оно производилось въ городѣ, окруженномъ непріятельскою арміею (хотя ошибкой фатальной послѣ всего, что пережилъ Парижъ во время войны и осады, безъ которой это возстаніе не мыслимо, что бы ни говорили его теоретики post facto). Но все это вмѣстѣ произвело глубокое впечатлѣніе на рабочія массы и усилило ихъ пробужденіе, — съ какимъ обязательно должны были считаться даже реакціонныя партіи, которыя, вмѣсто примата гоненія рабочихъ организацій, должны были высказывать даже симпатію къ нимъ, подъ условіемъ отреченія ихъ отъ революціонныхъ стремленій. Такъ въ естественной стратегіи прогресса каждый движущійся элементъ имѣетъ свою роль въ дѣлѣ развитія общества! (Ред.)

**) Такія поѣздки необходимы прежде всего для ремесленнаго образованія, заботы о которомъ входятъ въ цѣли синдикатовъ — не только рабочихъ, но и патронскихъ.

ческую свободу, необходимую для улучшения нашего положения. Для достижения этого мы прибегнем к нижеследующим практическим средствам: 1, учреждение местных югу, состоящих исключительно из рабочих, на обязанность которых мы возлагаем исследовать способности и политические убеждения кандидатов для выборов в парламент, 2, основание социалистической газеты, предназначенной служить связью между рабочими Парижа и провинции».

Что касается вопроса о производительных и потребительных ассоциациях, то конгресс высказался в пользу их и с этой целью постановил требовать от парламента уничтожения налога на предметы первой необходимости и учреждения налога подоходного.

В вопросе об основании касс, предназначенных для вспомоществования, как престарелым рабочим, так и на случай безработицы, конгресс высказался против всякого государственного вмешательства в это дело, а также против насильственного обложения задельной платы рабочих. Конгресс поручил организовать эти учреждения рабочим синдикатам.

Наконец, 8-ой вопрос заключался в основании союза между городскими и деревенскими рабочими. С этой целью конгресс постановил предложить земледельческим рабочим организоваться в синдикаты и учредить совет земледельческих приютов, затем организовать в деревнях библиотеки и конференции.

Конгресс, закрывая свои собрания, постановил собрать второй рабочий конгресс в будущем году в Лион.

Описанный конгресс, первое общее собрание рабочих всей Франции, произвел большое впечатление на рабочую массу. Постановка неотложных вопросов, практическая, деловая решения их оживили рабочую Францию и, таким образом, дань была первый толчок синдикальному движению рабочих. В 1877 году в одном Париже насчитывалось уже 117 рабочих синдикатов. Вся Франция покрылась целой сетью соединенных рабочих синдикатов.

Эта организация рабочих дала последним возможность поднять целый ряд колоссальных стачек, с целью повышения задельной платы и уменьшения часов рабочего дня.

Однако, задуманный в 1877 году Мак-Магоном *сюр д'Etat* заставил рабочих отложить назначенный конгресс в Лион на 28 января 1878 г. Хотя министерство Броли пало 14 октября 1877 года, тем не менее нависшая над реакцией не дала возможности Лионскому конгрессу открыться публично сессии. Заседания конгресса происходили, как частные собрания, при закрытых для публики дверях. Сблизилось 140 делегатов из которых 9 делегатов — женщины. Вопросы, рассматриваемые Лионским конгрессом были те же, что и на первом, парижском, с присовокуплением вопроса об индустриальном кризисе и безработице.

Постановления о женщинах-работницах разнятся от решений первого конгресса только тем, что первый параграф требует основания женских ремесленных синдикатов. Второй вопрос о синдикальных

камерах, ассоциациях и кооперациях более разработан, и обязанности синдикальных камер точнее определены.

§ 1-ый доклада по этому вопросу приглашает всех, убежденных в необходимости рабочей организации, — основывать земледельческие и индустриальные синдикаты.

В § 2 конгресс признает необходимым для рабочих синдикатов федерироваться между собою. Затем конгресс возлагает на синдикальные камеры следующие обязанности: а, регулирование производства, б, установление задельной платы и защиту общих интересов рабочего класса законным сопротивлением (*par la résistance juridique*) и наложением запрета на мастерские, разрывающие равновесие между нуждами рабочих и претензиями капитала; с, присмотр работы рабочим; д, ремесленное обучение и надзор за учениками; е, устройство касс на случай безработицы и общества взаимного страхования на случай болезни увечья и старости.

Параграф 4 постановлений гласит: «Синдикаты не должны забывать, что заработная плата — это переходная общественная форма между рабством и формой будущего; они должны употребить все усилия для устройства обширных обществ: потребления, кредита и производства»).

Касательно вопроса о народном образовании постановления Лионского конгресса тождественны с парижскими.

Относительно рабочего представительства в парламент конгресс заявил: «Принимая во внимание, что рабочее представительство обеспечивать осуществление легальным путем всех вопросов, рассмотренных конгрессом, принцип прямого представительства пролетариата в парламент подтверждается конгрессом». При этом формулированы были следующие правила для избрания:

а, Рабочий кандидат должен будет признать официально соц. программу, выработанную рабочим избирательным комитетом.

б, Кандидат обязуется письменно защищать и проводить принятую им программу; за невыполнением этого условия, он будет объявлен отвергнутым рабочей партией и впредь непригодным для ее избирательных должностей.

Затем конгресс добавляет, что в ок-

*) Не лишнее будет упомянуть, что, при обсуждении вопроса о синдикатах, некто Дюпир сделал предложение, дабы «конгресс пригласил рабочих общества заняться изучением и изысканием практических способов для применения принципа коллективного владения землей и орудиями труда». Предложение это отвергнуто было в конгрессе огромным большинством голосов. Читателям, конечно, будет интересно знать, какой именно рабочий синдикат или рабочая корпорация поручила своему делегату сделать означенное предложение. Как человек, живший в Париже, в рабочей среде, я должен сказать, что Дюпир был послан на конгресс только 2—3 иностранцами, даже не жившими в Париже, а проездом только бывшими в нем — и что Дюпиру было поручено еще провозгласить на конгрессе и необходимость социальной революции. Последнего он не исполнил, ввиду настроения конгресса, — и тем, конечно, заслужил действительное неудовольствие: пославших его проезжих и полицейской префектуры, так как в «Lanterne» было доказано, что Дюпир был полицейским агентом.

ругах, где поставлены будут кандидатуры социалиста, республиканца и реакционера, обязанность социалистической рабочей партии вотировать за рабочего кандидата; при перебаллотировке же — присоединиться к республиканцам, если республика будет в опасности. Для успеха избирательной борьбы конгресс нашел необходимым основание социалистических журналов, которые должны издаваться на средства рабочих, — взносами синдикальных камер.

По вопросу об индустриальном кризисе и безработице решено было: федерироваться рабочим синдикатам, дабы иметь возможность регулировать приток рабочих рук на рынок труда.

Далее, чтобы федеративный союз синдикатов постановил непреложным правилом: не работать лишние прибавочные часы, кроме предусмотренных и разрешенных законом и, наконец, добиваться 10-ти часового рабочего дня.

По всем остальным вопросам резолюции Лионского конгресса ничем почти не отличаются от постановлений по тем же вопросам первого конгресса.

Особенного внимания заслуживают высказанные мнения и постановления конгресса по поводу рабочей кандидатуры и о невмешательстве государства в дела рабочего класса.

«Буржуазия потеряла все связи с рабочим классом, заявляет на первом конгрессе делегат Prost. Она представляет в современном обществе отдельный класс, с обособленными интересами, а поэтому нам необходимо прибегнуть для защиты своих интересов к непосредственному рабочему представительству в парламент».

«Мы ощущаем ежедневно наше приниженное положение в обществе и презрение со стороны тех, которые нас эксплуатируют, говорит делегат Bellé на втором конгрессе. Мы устали далее терпеть... Нам нечего больше ждать от буржуазии. Пора разорвать всякую связь с нею и обособиться, как производители, как пролетарии, как обделенные, в отдельную партию. Пусть управляющие классы знают, что стѣна, которая нас разделяет, не нами воздвигнута. Мы хотим эмансипации рабочего класса, но мы объявляем, что мы против диктатуры и владычества пролетариата, точно также, как и против владычества монарха или буржуазии. Поэтому мы требуем представительства рабочего класса во всех законодательных и совещательных учреждениях и собраниях». Далее оратор разбирает избирательную программу, в которой он ставит первым параграфом политическую децентрализацию с возвратом коммунальским всем муниципальным вольностям. Вообще уже с первых конгрессов ясно видна тенденция рабочего класса обособиться и организоваться в рабочую партию.

Что же касается до высказанных мнений о невмешательстве государственной власти, красной нитью проходивших через все прения и речи ораторов двух конгрессов, то в этом явно сказывается новый дух времени, — влияние последнего децентрализационного движения 1871 года. Вместо желания овладеть центральной властью или при-

влекъ ее на свою сторону, рабочая партія предпочитала добиваться своей эмансипации, ослабляя, лишая систематически центральную власть ею присвоенных во Франціи атрибутовъ и престожа. Отсюда отказъ отъ принятія ей помощи и инициативы въ дѣлѣ устройства касетъ для рабочихъ инвалидов, отъ ея вмѣшательства въ несогласія, возникающія между капиталистами и рабочими, отсюда требованія муниципальных вольностей и расширенія правъ политической свободы. Это направленіе характеристически и ясно вылилось въ заявленіи комиссіи, выбранной на первомъ конгрессѣ по вопросу о рабочей кандидатурѣ: «необходимо заставить государственную власть не заниматься нашими дѣлами, а лишь уничтожить тѣ препятствія, которыми загроможденъ намъ путь».

Н. Жебуневъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗЕМСКАЯ ХРОНИКА.

Работа и препятствія по народному образованію.

Еще не успѣла окончиться нынѣшняя сессія очередныхъ губ. земскихъ собраній, какъ «торжествующая» російская пресса, въ виду почти нескрываемыхъ уже намѣреній правительства, поспѣшила наброситься на земство съ цѣлымъ градомъ обвиненій въ томъ, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ собранія еще не открылись, въ другихъ закрылись, не окончивши своихъ срочныхъ занятій за разѣздомъ гласныхъ, въ третьихъ — не могли состояться за совершеннымъ неприбытіемъ гласныхъ и т. д. Рядомъ съ этимъ, само собою разумѣется, высказывались обвиненія въ томъ, что гласные собираются только для утвержденія смѣтъ личныхъ окладовъ и, наконецъ, цѣлый рядъ политическихъ обвиненій, начиная съ «либерализма» вплоть до государственной измѣны, при чемъ провинціальныя и пиканты московской именной пиканты начинаютъ уже заговаривать и о безполезности, если не полномъ даже вредѣ, существованія губернскихъ земствъ, съ инсинуациями на счетъ безполезности ихъ совершеннаго упраздненія....

Нынѣшняя сессія земскихъ собраній повидимому дѣйствительно отличается почти невиданнымъ еще до сихъ поръ равнодушіемъ къ своему самоуправленію и очевидной неохотой собираться. «Да и къ чему, говорить въ «Голосѣ» г. Кошелевъ, съѣзжаться, работать и тѣмъ, пожалуй, наводить на себя подозрѣніе въ неблагонадежности?! Смѣты кѣмъ нибудь и какъ нибудь утвердятся, дѣла управоу разрѣшатся, а обсуждать, выработывать и отправлять къ высшему правительству ходатайства о мѣстныхъ нуждахъ — это трудъ безполезный, совершенно непроизводительный, потому что подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ ходатайства эти всегда отклоняются и часто не удостоиваются даже и отвѣта!..» Все это совершенно понятно, а поэтому и нисколько не удивительно. Не удивительно, разумѣется, также и то, что эти обстоятельства вызвали торжественные клики торжествующихъ продіадъ... но намъ кажется, что въ кликахъ этихъ есть нѣчто не совсѣмъ ладное и это «нѣчто» вызвано тѣмъ, что, несмотря на всю свою видимую вялость, земскія собранія послѣднихъ двухъ-трехъ сессій сдѣлали или, по крайней мѣрѣ, сказали до-

статочно много для того, чтобы въ рѣшеніяхъ ихъ можно было видѣть нѣкоторыя, несовсѣмъ успокоительныя для реакціонной клики тенденціи, не говоря уже о томъ, что земства и въ это время выразили тѣ самыя главныя, вопіющія нужды Россіи, о которыхъ они бесполезно и безслѣдно «ходатайствуютъ» въ теченіи всего времени своего существованія.

Въ отношеніи народнаго образованія, съ котораго мы намѣрены начать настоящее обзорѣніе, дѣятельность этихъ сессій земствъ дала намъ нѣкоторые интересные матеріалы, на основаніи которыхъ мы можемъ видѣть, какъ, несмотря на всю массу препятствій, воздвигавшихся въ теченіи 18 лѣтъ правительствомъ, съ цѣлью парализовать всѣ усилія земства по школьному дѣлу — дѣло это все таки подвинулось очень серьезно впередъ. С.-Петербургская земская учительская семинарія въ теченіи десяти лѣтъ своего существованія выпустила 404 чел. (151 учнт. и 253 учительницы), изъ которыхъ въ Петерб. губ. въ настоящее время состоятъ на службѣ 101 учнт. и 149 учительницъ, а на службѣ въ другихъ губерніяхъ 24 учителя и 29 учительницъ. Въ Московскомъ уѣздѣ съ 1869 г. по 1881 г. $\frac{1}{2}$ грамотныхъ увеличился въ $2\frac{1}{2}$ раза и увеличеніе это произошло какъ въ мужскомъ населеніи, такъ и въ женскомъ: въ 1869 г. грамотные мужескаго пола составляли собой 13,9%, а женскаго 1,8%, въ настоящее же время первые представляютъ 31,9%, а вторые 4,4%. На 100 учащихся мальчиковъ приходится теперь 33 дѣвочки. Что касается распредѣленія грамотныхъ по селеніямъ, то вмѣсто 30 поголовно неграмотныхъ селеній — теперь ихъ имѣется только 4, хотя при всемъ этомъ все таки 43% всего населенія остается безграмотнымъ. Въ Нижегородской губ. въ 1860 г. всѣхъ начальныхъ школъ Мин. Нар. Просв. считалось 28 съ 1546 учащимися, въ настоящее же время, въ рукахъ земства находится 337 народныхъ школъ, въ которыхъ учащихся было въ 1882 г. 11,463 ч. То же самое можно сказать о всѣхъ другой губерніи. При этомъ огромная часть школьнаго бюджета приходится на земскій счетъ (напр. въ Воронеж. губ. изъ 205,261 р. казна расходуетъ только 6727 р.). Въ Тамбовск. губ. во время введенія земскихъ учрежденій имѣлось всего 274 народ. школы съ 7727 учащимися; преподавателями были приходскіе священники и члены причта, волостные писаря, отставные солдаты и проч.; большая часть школъ помѣщалась въ церковныхъ сторожкахъ и т. п. грязныхъ помѣщеніяхъ; методы преподаванія были самыя примитивныя, учебныхъ пособій не было почти никакихъ; въ деревняхъ, въ которыхъ школы считались существовавшими въ теченіи десяти лѣтъ, трудно было пайти нѣсколько человѣкъ, умѣвшихъ подписать своею фамилію. Съ тѣхъ же поръ, какъ въ Тамб. губ. введенъ были земскія учрежденія, вмѣсто 174 школъ (большая половина которыхъ существовала только на бумагѣ) явилось ихъ 527, вмѣсто 7727 учащихся — число ихъ возросло до 27,223 ч. об. п.; взамѣсть прежнихъ церковныхъ сторожекъ явились спеціальныя училищныя зданія, вмѣсто прежнихъ пономарей и отставныхъ солдатъ, должности

преподавателей замѣщены 575 учнт., получившими болѣе или менѣе специальное педагогическое или во всякомъ случаѣ систематическое образованіе.

Рядомъ съ увеличеніемъ количества школъ и расходовъ на ихъ содержаніе, идутъ заботы земства и о преподавателяхъ. Въ нынѣшнемъ у насъ матеріалѣ мы находимъ, между прочими, относящимися къ этому предмету рѣшеніями земствъ, постановленіе елабужскаго у. з. собр. объ увеличеніи учительнаго жалованья отъ 240 до 350 р., постановленіе екатеринбургскаго з. с., назначившаго прибавку по 50 р. въ годъ къ жалованью учителей за каждое прослуженное ими пятилѣтіе и ассигновавшаго кромѣ того 10 т. р. на основаніе пенсіоннаго учительскаго капитала, и затѣмъ постановленіе херсонскаго земства объ учрежденіи въ виду нынѣшняго положенія народ. учителей эмеритальной кассы для нихъ, проектъ которой уже выработанъ и дѣйствіе которой должно быть распространено обязательно на всю Херсонскую губернію. Петербург. з. земство рѣшило выдавать съ нынѣшняго года учителямъ и учительницамъ прогонныя деньги и вообще пособия, чтобы облегчить имъ возможность являться на учительскіе съѣзды. Наконецъ въ валдайскомъ земствѣ (Новг. г.) состоялось чрезвычайно важное постановленіе о приглашеніи народныхъ учителей въ земскія комиссіи по народному образованію, выводящее учителей изъ положенія низшихъ земствомъ ремесленниковъ и признающее ихъ самостоятельными дѣятелями, голоса которыхъ должны быть выслушаны, если дѣло касается ихъ специальности. Это постановленіе тѣмъ болѣе важно, что земству приходится имѣть дѣло не только съ одной хозяйственной стороной школъ, но и обращать свое вниманіе на пополненіе чисто педагогическихъ недостатковъ нашего школьнаго дѣла. Въ докладѣ бѣлозерскаго земск. собр. (Херс. г.) констатируется почти полное отсутствіе у насъ книгъ для народнаго образованія, а казанское губ. земство въ видѣ подобнаго же положенія дѣла рѣшило, что губернскому училищн. совѣту должно быть дано право разрѣшать къ употребленію въ школахъ губерніи, всѣ книги дозволенной цензуры. Въ такомъ же смыслѣ рѣшило ходатайствовать и сумское земство (Харьб. губ.). Александрійское земск. собр. (Херс. г.) постановило учредить премію за напечатаніе популярнаго руководства для школъ, съ цѣлью ознакомленія учащихся съ правами и обязанностями крестьянъ. Съ другой стороны, земства обращаютъ свое вниманіе на общіе результаты своихъ успѣй относительно народнаго образованія, при чемъ чуть ли не повсемѣстно имъ приходится убѣждаться, что вышедшіе изъ школъ ученики, при полной разобщенности ихъ со школой и совершенномъ недостаткѣ книгъ для чтенія, очень скоро начинаютъ забывать все то, чему они успѣли научиться во время пребыванія въ школѣ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересны и поучительны результаты изслѣдованія, предпринятаго сумскою земск. управоу, съ цѣлью опредѣлить вліяніе школы на бытъ населенія. Управа собрала свѣдѣнія объ окончившихъ народныя школы въ пяти селеніяхъ, гдѣ за послѣдніе четыре года окон-

число курсъ 173 мальчика. Оказалось, что изъ этого числа для цѣлей профессиональных, т. е. для службы въ качествѣ писарей, прикащиковъ и т. д., и цѣлей дальнѣйшаго образованія воспользовались грамотностью только 15 чел. или 9⁰/₁₀. Изъ другихъ крестьянъ, для которыхъ результаты школьнаго ученія оказались хоть въ чемъ нибудь практически-полезными, можно указать развѣ еще на тѣхъ, которые провѣряютъ, напр., записи сборщиковъ податей и т. п. Въ видѣ побочнаго результата успѣшнаго окончанія школьнаго курса — представляются извѣстныя льготы по отношенію военной повинности, но крестьяне повидимому не придають особеннаго значенія этому обстоятельству, такъ какъ въ сумскомъ уѣздѣ въ одинъ и тотъ же періодъ времени число мальчиковъ посѣщающихъ школы возросло въ 2¹/₂ раза, тогда какъ число дѣвочекъ — болѣе чѣмъ въ 7 разъ. Затѣмъ осталшая масса окончившихъ народныхъ школы «мало по малу забываетъ даже механизмъ чтенія»..... «Чтеніе книгъ, вслѣдствіе невозможности ихъ выбора, далеко не таково, чтобы могло вліять на развитіе массы. Читаются за отсутствіемъ въ обращеніи и продажѣ порядочныхъ книгъ, въ силу усиленнаго контроля и казенныхъ рекомендацій, разлечныя лубочныя изданія, въ родѣ «Англическихъ милордовъ» и т. п., не только не развивающія, но и тормозящія всякое развитіе».

Въ виду такого положенія дѣлъ какъ сумское, такъ и нѣкоторыя другія земства въ теченіи настоящей сессіи занимались обсужденіемъ вопросовъ о воскресныхъ и повторительныхъ школахъ и о школьныхъ библіотекахъ. Херсонская губ. управа, руководясь постановленіемъ съѣзда учителей своей губерніи о необходимости устройства воскресныхъ повторительныхъ школъ для учившихся уже крестьянъ, постановила передать вопросъ объ учрежденіи такихъ школъ въ уѣздныя земства для обстоятельнаго обсужденія этого вопроса сообразно мѣстнымъ условіямъ, пока же въ видѣ временной мѣры рѣшила немедленно же открыть по одной повторительной школѣ въ каждомъ уѣздѣ и съ этой цѣлью испросила у губ. зем. собранія необходимыя для этого кредиты. На тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, т. е. по ходатайству того же учительскаго съѣзда, признававшаго, что окончившіе ученіе въ школахъ за отсутствіемъ всякихъ книгъ для чтенія или забываютъ все выученное, или же продолжаютъ заниматься чтеніемъ, но по необходимости могутъ пользоваться только книгами, продающимися у бродячихъ разнощниковъ и неудовлетворительными по своему содержанію, херсонская губ. з. управа рѣшила ходатайствовать передъ з. собраніемъ объ открытіи при народныхъ школахъ библіотекъ для чтенія и книжныхъ складовъ для продажи книгъ желающимъ. Совершенно такое же положеніе дѣлъ было констатировано и въ казанской губерніи, вслѣдствіе чего казанское губернское земское собраніе приняло рѣшеніе объ учрежденіи воскресныхъ и вечернихъ классовъ при народныхъ школахъ и объ устройствѣ школьныхъ библіотекъ, приспособленныхъ къ потребностямъ взрослыхъ грамотныхъ людей, по окончаніи ими ученія. «Объ

эти мѣры, говорить докладъ губ. управы, имѣютъ цѣлью установленіе болѣе живой связи между школою и ея бывшими учениками». Въ виду подобныхъ же причинъ и для тѣхъ же цѣлей состоялся цѣлый рядъ аналогическихъ постановленій объ открытіи воскресныхъ и повторительныхъ школъ, школьныхъ библіотекъ и т. п. въ земствахъ Вятской, Черниговской, Полтавской, Курской, Новгородской, Уфимской и многихъ другихъ губерній.

Но само собою разумѣется, что вся эта усердная и энергическая дѣятельность земства по развитію школьнаго дѣла, будучи сдѣлана, кромѣ распоряженій Мин. Н. Пр., еще и предѣлами своихъ денежныхъ средствъ, остающихся въ сравнительно-небольшомъ только количествѣ у всякаго земства, за открытіемъ обязательныхъ расходовъ, далеко не удовлетворяетъ всей потребности населенія въ школьномъ обученіи. Казанское земство, принужденное уже нѣсколько лѣтъ сокращать свои расходы за неимѣніемъ средствъ, по все таки увеличивающее ихъ по смѣтѣ народнаго образованія, констатируетъ фактъ, что наплывъ учащихся въ сельскія школы изъ года въ годъ возрастаетъ, всѣ училища переполнены до крайности и въ настоящее время пришлось отказаться въ пріемъ громадному числу дѣтей, только по недостатку средствъ для увеличенія числа школъ. Это обстоятельство вызываетъ со стороны крестьянъ серьезное недовольство. Въ одномъ училищѣ, въ которое было подано до 150 заявленій, тогда какъ оно можетъ вмѣстить не болѣе 60 учениковъ, между учительницей и населеніемъ по этому поводу возникли крупныя «недоразумѣнія»... То же самое произошло и въ другихъ училищахъ. Вслѣдствіе этого земство рѣшило хлопотать о разрѣшеніи устраивать подвижныя школы, которыхъ по свѣдѣніямъ управы насчитывалось до 15-ти. Въ тихвинскомъ уѣздѣ (Новг. губ.), въ виду подобной же недостаточности обыкновенныхъ школъ, земское собраніе приняло такое же рѣшеніе. Удачѣ же всего пошло въ этомъ отношеніи дѣло у Псковск. у. земства, которое тоже въ виду недостаточности школъ, рѣшило выдавать изъ своихъ средствъ вознагражденіе домашнимъ учителямъ, занимающимся обученіемъ крестьянскихъ дѣтей по программѣ 1 отд. нар. школъ, по 5 рубл. за каждого мальчика и по 6 рублей за дѣвочку. Въ короткое время въ уѣздѣ появилось нѣсколько такихъ домашнихъ школъ, устроенныхъ по инициативѣ самихъ крестьянъ; въ четырехъ изъ нихъ обучаютъ учителя, окончившіе учительскую семинарію и одна учительница изъ педаг. курсовъ при женской гимназій, въ другихъ преподаютъ молодые люди, окончившіе курсы народныхъ школъ и пробывшіе въ нихъ лишній годъ, для приобрѣтенія навыка въ обученіи. Желавшихъ учиться такъ много, что даже и въ этихъ школахъ многимъ приходится отказывать, а въ земской управѣ въ настоящее время находится еще 6 заявленій объ устройствѣ такихъ школъ. Нужно принять еще во вниманіе и то, что крестьяне принимаютъ охотно на свой счетъ какъ помѣщеніе, такъ и прислугу школъ, а учебныя пособія приобрѣтаются самими учениками. Этотъ чрезвычайно интересный типъ

школъ, успѣхъ котораго, по нашему мнѣнію, весьма много обусловливается меньшимъ, сравнительно съ прочими школами, подчиненіемъ домашняго обученія Мин. Нар. Просв., заслуживаетъ особаго вниманія и подражанія со стороны прочихъ земствъ.

Далѣе, изъ доставленныхъ намъ матеріаловъ, мы видимъ, что земства, не ограничиваясь своими заботами о народныхъ школахъ, продолжаютъ не оставлять безъ вниманія также среднія и высшія учебныя заведенія. Независимо отъ довольно крупныхъ суммъ, ассигнованныхъ почти всѣми земствами на пособія гимназіямъ, преимущественно женскимъ и реальнымъ, т. е. тѣмъ именно, которыя находятся не въ авантажѣ у нынѣшняго Министрства Н. Пр., нѣкоторыя изъ земствъ продолжаютъ все таки настойчиво ходатайствовать передъ министерствомъ о расширеніи правъ окончившихъ средн. учебное зав. на поступленіе въ университетъ, о расширеніи курса нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеній и пр. Такъ Пермское губ. земск. собраніе опять ходатайствуетъ передъ правительствомъ о разрѣшеніи окончившимъ курсъ реальн. училищъ поступать хоть на нѣкоторые факультеты университетовъ; ярославское земство рѣшило приять на себя издержки по преобразованію рыбницкой женской прогимназіи въ гимназію и т. п. Изъ рѣшеній земскихъ собраній послѣднихъ сессій, касающихся высшихъ учебныхъ заведеній, кромѣ довольно многочисленныхъ постановленій объ учрежденіи земскихъ стипендій, обращаютъ на себя вниманія два факта: во первыхъ, еще одно, не знающее которое уже по числу, ходатайство, на этотъ разъ, курскаго губ. земскаго собранія о скорѣйшемъ открытіи въ Харьковѣ Технологическаго института, зданіе котораго, построенное на частныя средства именно для этой цѣли, подарено уже, какъ извѣстно, Мин. Н. Пр. Харьковскому университету, — и во вторыхъ, многочисленныя постановленія, имѣющія въ виду спасеніе высшихъ женскихъ врачебныхъ курсовъ. Относительно послѣдняго предмета мы имѣемъ постановленія: кирilloвскаго земства (Новг. губ.) съ ассигновкой 300 р. на стипендіи, новгородскаго у. земскаго собранія о ходатайствѣ передъ правительствомъ объ упроченіи судьбы курсовъ и передъ губернскимъ земскимъ собраніемъ объ оказаніи имъ денежнаго пособія, владѣйскаго уѣзднаго земства о томъ же, саратовскаго губ. земскаго собранія съ ассигновкой 1000 р., курскаго губ. земства, пермскаго губ. земскаго собранія (о стипендіяхъ), тихвинскаго уѣздн. земск. собранія, новгородскаго губернскаго, Костромскаго губернскаго, тверскаго, съ ассигновкой 1 тыс. рубл., опротестованное губернаторомъ въ качествѣ общегосударственнаго вопроса, воеводскаго уѣзднаго земскаго собранія, рѣшившаго выдавать въ теченіи 5 лѣтъ по 300 рубл. на поддержку этихъ курсовъ, херсонскаго губ. земскаго собранія, полтавскаго, черниговскаго, съ ассигновкой 2000 р., харьковскаго губернскаго земскаго собранія, ходатайствующаго передъ правительствомъ о поддержкѣ курсовъ, но не признаваго себя въ правѣ сдѣлать теперь въ пользу ихъ какое нибудь денежное пожертвованіе, «такъ какъ оно легко бы бременемъ на голодающее на-

селение губерний... и проч. Большая часть этих постановлений прямо мотивируется той непосредственной пользой, которую приносят. Ж. Вр. Курсы для высшего образования и земской медицины. В заключение мы должны обратить внимание читателей еще на одно чрезвычайно важное обстоятельство, выдвинутое на этот раз с. петербургским губ. земск. собранием в лице его комиссии для изменения программы учительской школы. Комиссия эта признала необходимым введение в школы преподавания финского языка, хотя бы в виде обязательного предмета. Хотя это предложение комиссии и было, неизвестно почему, отклонено собранием, но тем не менее уже самый факт подобного заявления со стороны комиссии заслуживает особого внимания, так как он показывает сознание, наконец, и на севере того, о чем давно уже говорят и ходатайствуют многие южные земства, а именно невозможности игнорировать в школах местные языки населения. Мы говорим о недавнем ходатайстве херсонского земства на счет допущения для объяснений в школах украинского и румынского языков и о давних, но безуспешных ходатайствах черниговского, временчугского и др. земств о разрешении в школах преподавания по-украински.

В связи с этим вопросом находится и возбужденный казанским губ. земством вопрос о школах для инородцев. Земство это обратило внимание на тот факт, что нынешние школы в губернии существуют только для христианского населения (1.100.000 чел.), для населения же «некрещеного» ни земских, ни министерских школ не имеется*). К сожалению, мы не имеем сведений в чем именно, кроме преподавания русского языка, рассчитывает земство помогать этим школам, а потому и отказываемся от оценки этого факта...

Изложенным нами исчерпываются более или менее все те меры относительно народного образования, которые были приняты земскими собраниями нынешней сессии в преддверии, отведенных им законодательством или, лучше сказать, министерскими циркулярами. Затем следует целый ряд мер, выходящих из этих предположений и решенных земством в виде ходатайств перед высшим правительством. В этих безнадежных ходатайствах выражаются «по примеру прошлых лет» все самые боль-

ные стороны земского школьного дела; как и следует ожидать, все эти ходатайства имеют характер почти исключительно отрицательный, т. е. имеют в виду не какуюнибудь помощь или улучшение со стороны государства, а только освобождение от тех препятствий, какие существуют в настоящее время для народного образования со стороны правительства. На первом плане стоят, разумеется, ходатайства о допущении хотя какойнибудь самостоятельности или, правильнее сказать, хотя какогонибудь участия земств в заседаниях содержимыми ими на свой счет школами. Казанское губ. земство, согласно с мнением уездных земств, нашло вполне необходимым предоставление местным общественным силам возможно большого участия в деле заведывания школами. В виду этого земство высказалось в пользу ходатайства о возобновлении прав, предоставленных в 1864 году ученическим советам. «Все те права, которые по статьям ныне действующего положения принадлежат инспекторам народных училищ и председателям училищных советов, должны быть переданы училищным советам в полном их составе, с подчинением училищным советам не только одноклассных, но и двухклассных училищ». Высшей инстанцией в школьных делах, по мнению Казанского земства, должен быть губернский училищный совет, состоящий под председательством губернского предводителя дворянства, из директора народных училищ, одного представителя Мин. Н. Пр., представителя от епархиального вѣд. и четырех гласных от земства, избираемых губернским земским собранием. А так как такие изменения в организации училищного дела неизбежно должны повлечь за собою отмену закона 1874 г. о народных училищах, то земство и выразило желание, чтобы пересмотр этих законов был произведен при деятельном участии земских представителей. В подобном же смысле выразилось и херсонское губ. земское собрание, принявши предложение бѣлозерского уездного земства ходатайствовать перед правительством о предоставлении земству права иметь своих доверенных лиц для заведывания школами. Калужское земское собрание постановило ходатайствовать о расширении своего участия в наблюдении за училищами, на которые оно издерживает более 100 тысяч рублей, в том смысле, чтобы: 1) председатели губернской и уездных земских управ были обязательными членами училищных советов, при участии в них еще трех (а не двух) представителей земства, 2) экзамены кандидатов на учительские должности производились училищными советами, совместно с педагогическими, 3) чтобы училищным советам вменено было в обязанность представление отчетов в губернскую и уездную управы, как о расходах, так и о ведении дела народного образования, 4) проект нового устава народных училищ был разослан земствам для ознакомления с ним и 5) училищным советам было предоставлено право назначать и увольнять учителей, выбирать или

единоличного усмотрения инспекции. Московское уездное земское собрание постановило возобновить ходатайство о предоставлении земству иметь своего педагога-руководителя для земских народных школ. Миргородское уездное земское собрание ходатайствует о разрешении ему иметь своего земского инспектора народных школ, в виду безполезности министерской инспекции. Пермское губернное уездное собрание постановило ходатайствовать о предоставлении права членам попечительских советов женских гимназий, получающих пособия от земства, участвовать в совещаниях и решениях педагогических советов этих гимназий о предоставлении губернскому земству контроля над расходами земских реальных училищ. Псковское земство выражает желание, чтобы директора земских реальных гимназий представляли земскому собранию отчеты о расходовании земских сумм. Наконец, ходатайство полтавского губернского земского собрания как бы резюмирует желания прочих земств и доводит их до конца в надлежащей последовательности. Оно требует, чтобы право открывать школы принадлежало всецело уездным земским собраниям, с сообщением только об открытии школ правительственному инспектору, чтобы ведение всего учебно-хозяйственного дела принадлежало земским управам, при участии земских же инспекторов школ, чтобы разработка учебно-воспитательных вопросов производилась при земской управе собираемым управою советом из учителей народных школ, под председательством земского инспектора, с сообщением только о времени совещаний инспектору правительственному, чтобы руководство школьным делом было возложено на земского инспектора, чтобы испытания народных учителей производились в правительственной комиссии с участием земского инспектора, чтобы назначение и увольнение учителей было предоставлено земской управе и, наконец, чтобы правительством был определен только общий объем преподавания наук, программы же преподавания были предоставлены самому земству.

В.

(Продолжение следует).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Самоубийство Макова (бывш. министра Вн. Дѣл) объясняют открытием исчезновения 45.000 р. пожертвованных земствами на пособие семьям убитых воинов и врученных Перфильеву, бывш. управляющ. канц. Макова. Инициатива открытия принадлежит самим жертвователям. Говорят, что к этому случаю — которое, конечно, не ограничилось 45.000 р. — примыкал и Тимашев. Да один ли он? Пустите-ка, Александр Александрович, специальную комиссию не из чиновников, а из выборных людей, так и увидите, какие из Ваших министров выйдут чистыми!

Редактор М. Драгоманов.

Genève. Imprimerie de la Parole libre chemin Dancet. 15

*) И при этом любопытное и крайне характерное явление: для христианского населения губернии, состоящего из 1,100,000 чел., имеется, как мы сказали, 517 школ — мусульманское же население, состоящее из 450,000 чел., содержит на свои собственные средства 30 высших школ (медресе), более 500 низших и столько же частных школ, т. е., значить, почти вдвое больше, чем вдвое же большее христианское население... Объяснение этого явления может быть найдено, по нашему мнению, только в том, что, благодаря своему религиозному характеру и не-государственному языку преподавания, школы эти до сих пор ускользали от бдительного попечения мин. нар. просвещения, и для предоставления заботам самого мусульманского населения... Не знаем, какую еще услугу окажет этим школам земство, обративши на них свое внимание, хотя бы и с благими целями?! Ведь вместе с русским языком придут в татарские школы и русские инспекторы!!!..